

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СИБИРЯКА

О ДЕКАБРИСТАХЪ.

I.

Въ одинъ свѣтлый майскій день 1842 года отецъ за обѣдомъ обратился къ старшему моему брату Андрею и ко мнѣ со словами: „Сегодня послѣ обѣда не уходите играть во дворъ; мать васъ одѣнетъ, и вы поѣдете со мной“. Отецъ не объяснилъ, куда онъ хочетъ везти насъ; мы же, въ силу домашней субординаціи, распрашивать не смѣли, а потому наше дѣтское любопытство было очень возбуждено. Старшему брату было въ это время 10 лѣтъ, а мнѣ 8; жили мы въ Иркутскѣ въ своей семьѣ, состоявшей, кромѣ отца, матери и насъ, еще изъ двухъ меньшихъ братьевъ; учились мы дома и для занятій съ нами являлся ежедневно какой-то скромный и угреватый канцеляристъ, а такъ какъ мы оба были мальчики прилежные и способные, то программа элементарнаго обученія, какую могъ дать нашъ учитель, была исчерпана, и старшій братъ началъ уже ходить въ гимназію, и отецъ поговаривалъ, что пора и меня отдать туда же. Отецъ мой былъ купецъ, далеко не богатый, очень дѣятельный, замѣчательно умный и не останавливавшійся ни передъ какими жертвами, чтобы доставить намъ наивозможно лучшее образованіе, что было тогда въ Иркутскѣ крайне трудной, почти неисполнимой задачей.

Когда мы, вымытые, приглашенные и одѣтые въ наше лучшее платье, усѣлись на долгушѣ (длинныя безрессорныя дрожки, которыя, кажется, и до сихъ поръ въ

большомъ употребленіи въ Сибири), запряженную парой сытыхъ лошадокъ, и быстро покатали по городу, то отецъ сталъ объяснять намъ, что везетъ насъ въ деревню Малая Разводная къ декабристамъ Юшневскимъ, у которыхъ мы начнемъ учиться и для этого скоро совсѣмъ переберемся на житье къ нимъ, просилъ насъ, какъ водится, держать себя умниками и не ударить лицомъ въ грязь, если насъ сегодня же вздумаютъ проэкзаменовать. Мы были еще такъ юны и неопытны, что названіе „декабристы“ не имѣло для насъ рѣшительно никакого смысла, а потому мы съ самымъ невиннымъ любопытствомъ ждали предстоящаго свиданія.

Деревушка Малая Разводная лежитъ всего въ 5 верстахъ отъ Иркутска, причемъ дорога вначалѣ версты три идетъ по Забайкальскому тракту, а потомъ сворачиваетъ вправо по узкому проселку, поросшему по бокамъ молодымъ, корявымъ березнякомъ, и приводитъ къ названной деревушкѣ, заключавшей въ себѣ тогда домовъ 25 или 30. Мы миновали нѣсколько вытянутыхъ въ улицу крестьянскихъ домовъ и подъѣхали къ тесовымъ воротамъ, а черезъ нихъ попали въ довольно обширный дворъ, среди котораго стоялъ небольшой одноэтажный домикъ Юшневскихъ, обращенный главнымъ фасадомъ на Анггару, протекавшую подъ крутымъ обрывомъ, на которомъ была раскинута деревушка.

Къ сожалѣнію, память мнѣ измѣняетъ, и я смутно вызываю въ себѣ только немногія подробности этого перваго пріѣзда нашего въ М. Разводную. Отца моего вездѣ встрѣчали съ большимъ уваженіемъ; кромѣ природнаго ума, онъ обладалъ рѣдкою начитанностью, былъ превосходный рассказчикъ, много видалъ на своемъ вѣку, такъ какъ по торговымъ дѣламъ долженъ былъ каждое лѣто совершать поѣздку въ Нижній, Москву и часто вплоть до Петербурга; эти постоянныя поѣздки особенно способствовали его сближенію съ декабристами, потому что онъ доставлялъ контрабандныя письма и посылки

отъ нихъ къ роднымъ и наоборотъ и нерѣдко выступалъ въ многоразличныхъ дѣлахъ устнымъ посредникомъ между ссыльными и ихъ знатыми столичными родственниками. Поэтому пріемъ намъ сдѣланъ былъ самый радушный; Юшневскіе, особенно мужъ, спрашивали брата и меня о нашихъ занятіяхъ, но формальному экзамену, кажется, насъ не подвергали. Помню одно, какъ общее впечатлѣніе этого визита, что Юшневскій какъ-то сразу покорилъ наши дѣтскія сердца и что на обратномъ пути мы съ братомъ находились въ восторженномъ настроеніи отъ мысли, что поступаемъ на руки къ такому прекрасному учителю.

У Юшневскихъ мы пробыли недолго, ибо отцу, къ немалому нашему удивленію, надо было сдѣлать въ этой крохотной деревушкѣ цѣлый рядъ визитовъ. Сначала Юшневскій повелъ насъ въ сосѣдній домъ, дворъ котораго прилегалъ къ двору Юшневскаго и былъ отдѣленъ частоколомъ, въ которомъ была прорѣзана калитка. Здѣсь въ небольшомъ домѣ съ мезониномъ, стоявшемъ также среди двора, проживалъ другой декабристъ—Артамонъ Захарьевичъ Муравьевъ. Это былъ чрезвычайно тучный и необыкновенно веселый и добродушный человѣкъ; смѣющіеся глазки его такъ и прыгали, а раскатистый, заразительный хохотъ постоянно наполнялъ его небольшой домикъ. Кромѣ ласковости и веселыхъ шутокъ онъ насъ расположилъ къ себѣ, помню, еще и оригинальнымъ угощеніемъ; сидя по-турецки съ сложенными ногами на широкомъ диванѣ, онъ намъ командовалъ: „ну, теперь, дѣти, маршъ вотъ къ этому письменному столу, станьте рядомъ противъ праваго ящика; теперь закройте глаза, откройте ящикъ, запускайте въ него руки и тащите, что вамъ попадется“. Мы исполняли команду въ точности, по мѣрѣ того, какъ она производилась, и объемистый ящикъ оказался до верху наполненнымъ конфетами. Какъ видно, онъ самъ былъ охотникъ до сладкаго, и вообще, какъ я узналъ впоследствии, любилъ поѣсть и пользовался репутаціей тонкаго гастронома.

На этомъ же дворѣ у воротъ стояла еще небольшая крестьянская изба съ окнами, выходившими на деревенскую улицу, и въ ней помѣщались декабристы — два брата Борисовы; отецъ прошелъ съ нами и къ нимъ. Старшій братъ, Петръ Ивановичъ, былъ необыкновенно кроткое и скромное существо; онъ былъ невысокаго роста, очень худощавъ; я до сихъ поръ не могу позабыть его большихъ вдумчивыхъ глазъ, искрившихся безграничной добротой и прямотою, его нѣжной, привлекательной улыбки и тихой его рѣчи. Онъ представлялся совершенною противоположностью только что оставленному нами А. З. Муравьеву: насколько послѣдній былъ шуменъ, неудержимо веселъ и экспансивенъ, настолько первый казался тихъ, даже застѣнчивъ въ разговорѣ и во всѣхъ своихъ движеніяхъ, и какая-то сосредоточенная, глубоко застѣвшая на душѣ грусть лежала на всемъ его существѣ. О П. И. Борисовѣ мнѣ придется говорить еще не разъ, такъ какъ онъ вскорѣ сдѣлался также нашимъ наставникомъ. Жилъ онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Андреемъ Ивановичемъ, у котораго развилась въ ссылкѣ психическая болѣзнь, что-то въ родѣ меланхоли; онъ чуждался всякаго посторонняго человѣка, тотчасъ же убѣгалъ въ другую комнату, если кто нибудь заходилъ въ ихъ избушку, и Петръ Ивановичъ былъ единственнымъ живымъ существомъ, которое онъ допускалъ до себя и съ которымъ свободно могъ разговаривать, — и взаимная привязанность этихъ братьевъ между собой была самая трогательная. Изъ Россіи они ни отъ кого помощи не получали и жили скудно на пособіе отъ товарищей декабристовъ; кромѣ того П. И. зарабатывалъ ничтожныя крохи рисованіемъ животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ и былъ въ этомъ искусствѣ, не находившемъ въ то время почти никакого спроса въ Россіи, тонкимъ мастеромъ. А. И. тоже не оставался безъ дѣла: онъ научился переплетному ремеслу и имѣлъ небольшой заработокъ.

Но этимъ визиты наши еще не кончились, и отъ Борисовыхъ мы перешли черезъ улицу еще въ одну крестьянскую избу, гдѣ жилъ декабристъ Якубовичъ. Странное дѣло! Когда недѣли черезъ двѣ мы сдѣлались совсѣмъ обитателями Малой Разводной, мы Якубовича тамъ, кажется, уже не застали; то ли я забылъ, то ли за этотъ короткій промежутокъ онъ переселился въ другое мѣсто ¹⁾, только мнѣ помнится, что я его видѣлъ всего одинъ разъ, и тѣмъ не менѣе его внѣшность сильно врѣзалась въ мою дѣтскую память: это былъ высокій, худощавый и очень смуглый человѣкъ, съ живыми черными глазами и большими усами; всѣ движенія его были полны живости и энергіи; дѣтей, видно, онъ очень любилъ, потому что тотчасъ же занялся съ нами съ великой охотой и, будучи большимъ любителемъ живописи, скоро и бойко нарисовалъ карандашемъ два рисунка и подарилъ намъ каждому на память. Наконецъ отъ Якубовича мы поѣхали домой,—и тутъ дорогой отецъ старался намъ объяснить, какого рода людей мы посѣтили, и хотя главное въ его словахъ оставалось для насъ темнымъ, но мы теперь уже съ бѣльшимъ смысломъ отнеслись къ названію „декабристы“ и связали его съ опредѣленнымъ типомъ нашихъ новыхъ знакомцевъ; такъ картинки въ книгѣ часто объясняютъ ребенку многое, чтѣ въ прочитанномъ текстѣ оказалось выше дѣтскаго пониманія. Все вмѣстѣ, и наши личныя, пріятныя впечатлѣнія, полученные отъ недавнихъ знакомцевъ, и теплый, симпатичный тонъ, съ которымъ отзывался о нихъ отецъ, сразу вызвали въ нашихъ воспріимчивыхъ сердцахъ благоговѣйное уваженіе къ этимъ таинственнымъ людямъ, которое потомъ росло съ нашимъ ростомъ и крѣпло по мѣрѣ того, какъ мы болѣе и болѣе входили въ ихъ кругъ.

---

¹⁾ Впослѣдствіи изъ печатныхъ источниковъ я узналъ, что Якубовичъ жилъ на поселеніи въ Усольѣ, верстахъ въ 60-ти отъ Иркутска, и, вѣроятно, временно находился въ Малой Разводной, пріѣхавъ навѣстить своихъ товарищей.

II.

Послѣдующіе дни у насъ совсѣмъ были поглощены сборами отца и матери въ Россію. Отъѣзды отца были въ семьѣ дѣломъ обычнымъ; каждый годъ въ маѣ или юнѣ онъ отправлялся по дѣламъ въ Петербургъ, Москву или только на Нижегородскую ярмарку и возвращался домой осенью въ послѣднихъ числахъ сентября, а мы въ его отсутствіе переходили подъ исключительную и менѣе суровую команду матери. Возвращеніе отца было всегда большимъ событіемъ въ домѣ; онъ не только привозилъ намъ новыя игрушки и подарки, но чуть ли не первый знакомилъ Иркутскъ съ разными новинками и открытіями, которыя только-что появлялись тогда въ Европейской Россіи; такъ, я помню, какъ въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ 40 годахъ онъ привезъ фосфорныя спички, которымъ суждено было такъ быстро вытѣснить общеупотребительныя до того „сѣрячки“; въ другой разъ — стеариновыя или, какъ ихъ называли тогда, по имени перваго петербургскаго фабриканта, „каллетовскія“ свѣчи, которыя, не знаю, какъ теперь, но въ 60-хъ годахъ еще не могли изгнать изъ употребленія дешевыя сальныя свѣчи; въ третій—первыя папиросы только что открытой въ Петербургѣ фабрики Морне и Кадошъ, съ деревянными мундштуками и т. п.

Въ описываемое мною лѣто мать вздумала и сама съѣздить въ первый разъ посмотрѣть Петербургъ и Москву, оставивши насъ, двухъ старшихъ дѣтей, на житье и ученіе у Юшневскихъ, а двухъ младшихъ—дома на попеченіи старой бабушки, жившей у насъ постоянно. Мать, впервые покидавшая дѣтей и домъ для такого дальняго путешествія, волновалась, плакала, баловала насъ больше обыкновеннаго. Въ домѣ за нѣсколько дней до отъѣзда началась суета; въ комнатахъ

раскинуто было нѣсколько мягкихъ чемодановъ, на столахъ, на стульяхъ лежало платье, бѣлье и разные завернутые въ бумагу предметы, ожидавшіе своей очереди, чтобы войти въ утробу пузатыхъ чемодановъ; на дворѣ подъ навѣсомъ появился объемистый тарантасъ казанской работы; мы, дѣти, охваченные общою суматохою, шмыгали вездѣ между свертками, залѣзали въ тарантасъ и совали свой носъ всюду, вызывая нерѣдко на себя окрики старшихъ. Лихорадочное время это пролетѣло быстро, отецъ и мать наконецъ уѣхали, а насъ въ день ихъ отъѣзда перевезли къ Юшневскимъ, и для насъ началась совершенно новая жизнь въ этой чужой семьѣ.

Ранѣе насъ еще былъ помѣщенъ на воспитаніе къ Юшневскимъ мальчикъ лѣтъ 12-ти, сынъ разбогатѣвшаго крестьянина, по фамиліи Анкудиновъ. Помѣстилъ его къ Юшневскому не отецъ, самый ординарный кулакъ изъ мужиковъ и притомъ горькій пьяница, а дядя, тоже крестьянинъ, но на рѣдкость умный и предприимчивый, и состояніе Анкудиновыхъ принадлежало ему и было нажито на почтовой гоньбѣ. Этотъ дядя имѣлъ въ Иркутскѣ большой домъ, носилъ городской костюмъ, съ трогательнымъ благоговѣніемъ относился къ образованію и горячо мечталъ сдѣлать изъ своего племянника и единственного наслѣдника—по возможности образованнаго человѣка. Онъ безпрестанно заѣзжалъ въ Малую Разводную, чтобы справиться объ успѣхахъ своего питомца, но мальчикъ выдался не изъ способныхъ, росъ до тѣхъ поръ въ семьѣ, мало чѣмъ ушедшей отъ крестьянства, отлично зналъ всѣ полевые работы и уже много въ нихъ практиковался; книга его нисколько не интересовала, а его тянуло изъ классной комнаты въ лѣсъ, на пашню и особенно къ лошадямъ, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ, такъ какъ дядя держалъ ихъ цѣлые табуны для почтовой гоньбы. Поэтому не только ученье, а даже и внѣшній лоскъ очень туго при-

вивались къ мальчику, и онъ, по прошествіи года и къ великому огорченію дяди, оставался все тѣмъ же маленькимъ мужичкомъ съ мужицкимъ складомъ рѣчи и грубыми ухватками, какъ ни старалась его отучить отъ нихъ и сама Юшневская. Я слышалъ, какъ Юшневскій въ разговорѣ съ кѣмъ-то о безуспѣшности своей вышлифовать Анкудинова разъ выразился такъ: „да, изъ рѣдки трудно сдѣлать мороженое“. И дѣйствительно, такъ-таки Юшневскій съ нимъ ничего и не добился. Не могу сказать навѣрное, оставило ли какой нибудь нравственный слѣдъ воспитаніе Юшневскаго на нашемъ товарищѣ, потому что потомъ я потерялъ его совсѣмъ изъ виду, а когда, много лѣтъ спустя, я, въ качествѣ врача, увидалъ его однажды уже 30 лѣтнимъ человѣкомъ, главой семьи и всего обширнаго хозяйства умершаго дяди, то онъ ни житейскими взглядами, ни всей обстановкой своей жизни, ничѣмъ не отличался, какъ мнѣ показалось, отъ зауряднаго, зажиточнаго мужика. Случайно и болѣзнь, ради которой я къ нему былъ позванъ, развилась какъ слѣдствіе алкоголизма, унаслѣдованнаго имъ отъ своего отца. Когда же мы съ нимъ познакомились у Юшневскихъ, то по натурѣ это былъ мальчикъ добрый, а потому мы съ нимъ сошлись и прожили все время вмѣстѣ очень дружно.

Какъ ни рѣзокъ былъ для насъ переходъ изъ теплаго роднаго гнѣзда, отъ шума большой семьи и городской жизни—въ тихій деревенскій домикъ пожилой четы, однако мы съ нимъ какъ-то скоро освоились и не очень скучали. Вѣроятно, этому способствовалъ прежде всего самъ Юшневскій, который такъ умѣло и тепло взялся за нашу дрессировку, что мы не только сразу ему подчинились, но и привязались къ нему со всею горячностью нашего возраста. Къ сожалѣнію, я былъ слишкомъ ребенокъ тогда, чтобы теперь съ возможными подробностями обрисовать выдающуюся личность Юшневскаго, складъ его жизни и отношеніе его къ окружаю-

П. И. Борисовъ.

щей обстановкѣ, а потому невольно долженъ ограничиться только смутными воспоминаніями, которыя у меня сохранились, причемъ все крупное и рельефное проходило для меня незамѣченнымъ, а врѣзывались въ памяти все такія впечатлѣнія, которыя болѣе были доступны моему дѣтскому пониманію.

III.

Въ небольшомъ своемъ домикѣ, состоявшемъ изъ 4-хъ и самое большее изъ 5 комнатъ, Юшневскіе отвели для насъ одну, выходившую окнами на дворъ; она намъ служила и спальнею, и учебною. Алексѣю Петровичу, — такъ звали Юшневскаго, — было тогда за 50 лѣтъ; это былъ человѣкъ средняго роста, довольно коренастый, съ большими сѣрыми на-выкатѣ и вѣчно серьезными глазами; бороды и усовъ онъ не носилъ и причесывался очень оригинально, зачесывая виски назадъ и вверхъ, что еще болѣе увеличивало его и безъ того большой лобъ. Ровность его характера была изумительная; всегда серьезный, онъ даже шутилъ не улыбаясь, и тѣмъ не менѣе въ обращеніи его съ нами мы постоянно чувствовали, хотя онъ насъ никогда не ласкалъ, его любовное отношеніе къ намъ и добродушіе. На урокахъ онъ былъ всегда терпѣливъ, никогда не поднималъ своего голоса, не смотря на то, что Анкудиновъ своею тупостью нерѣдко задавалъ пробу этому неистощимому терпѣнію. Только однажды за все время онъ вспыхнулъ и крикнулъ на насъ, а потому, вѣроятно, этотъ единственный случай такъ и врѣзался въ моей памяти. Какъ-то разъ послѣ обѣда мы втроемъ пошли играть въ огородъ, спускавшійся передъ домомъ по откосукъ Ангартъ; отъ нея огородъ отдѣлялся заборомъ съ небольшою калиткою, че-

резъ которую намъ запрещено было выходить на берегъ, чтобы какъ нибудь по неосторожности не свалиться въ стремительно несущуюся рѣку. На этотъ разъ что-то соблазнило насъ нарушить запрещеніе, но только-что мы стали возиться около калитки, чтобы отодвинуть тугую задвижку, какъ А. П., увидавъ изъ окна, чѣмъ мы занимаемся, крикнулъ намъ: „Зачѣмъ вы это дѣлаете дѣти? оставьте калитку въ покоѣ!“ и мы тотчасъ же отошли, но когда черезъ нѣсколько минутъ замѣтили, что А. П.—ча не видно болѣе въ окнѣ, снова принялись за ту же работу и, открывъ наконецъ калитку, готовились выскочить на берегъ; вдругъ изъ окна раздался тотъ же голосъ, на этотъ разъ гнѣвный и повелительный: „Какъ же вы это не слушаетесь? Маршъ сейчасъ же въ комнаты!“ Мы повиновались и А. П. встрѣтилъ насъ сердитый въ передней, горячо распекъ за непослушаніе и въ наказаніе приказалъ намъ тотчасъ же идти въ свою комнату. Насъ очень смутилъ этотъ необычный съ его стороны окрикъ, и мы, робко прокравшись къ себѣ, стали только-что разсуждать о постигшей насъ бѣдѣ, какъ черезъ минуту или двѣ дверь отворилась и А. П., спокойный и ласковый, какъ всегда, вошелъ къ намъ и весело спросилъ: „ну, дѣти, кто изъ васъ скажетъ, какъ пишется „нѣсколько“, черезъ ѣ или черезъ е?“ Мнѣ теперь далеко за 50 лѣтъ, но, мнѣ кажется, я до сихъ поръ помню, какъ забилося мое сердце отъ радости, что А. П. болѣе на насъ не сердится, и какъ мнѣ хотѣлось броситься къ нему съ обѣщаніемъ, что я постараюсь впередъ не вызывать его справедливаго гнѣва.

Къ наказаніямъ Юшневскій вообще никогда не прибѣгалъ; правда, братъ и я были мальчишки способные и оба изъ кожи лѣзли, чтобы заслужить одобреніе своего наставника, такъ что едва ли ему часто давали поводы быть нами недовольнымъ, но и Анкудиновъ, которому туго давались и русская грамматика, и французскій языкъ, подвергался только усовѣщеніямъ и вразумленіямъ и по временамъ жалобамъ на него его старому дядѣ.

Жена Юшневскаго, Марья Казиміровна, была милостивая, толстенъкая старушка небольшого роста; въ образованіе наше она не вмѣшивалась, но мы ее не особенно любили, потому что она строго заботилась о нашихъ манерахъ и легко раздражалась всякими нашими промахами. Она была полька и ревностная католичка, и самыми частыми ея посѣтителами были два ксендза, не разъ въ недѣлю приходившіе пѣшкомъ изъ Иркутска. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Гацицкій, худенькій, веселый и очень юркій человѣчекъ, не прочь былъ повозиться съ нами, не смотря на свой почтенный санъ и не менѣе почтенный возрастъ. Уже будучи взрослымъ, я узналъ отъ декабристовъ, что Марья Казиміровна была замужемъ въ Кіевѣ за какимъ то помѣщикомъ, отъ котораго имѣла дѣтей, потомъ увлеклась Юшневскимъ и послѣ формальнаго развода вышла за него замужъ и покорно раздѣлила съ нимъ его тяжелую участь въ Сибири. Во время нашего прожитія въ Малой Разводной пріѣзжала навѣстить ее изъ Россіи и осталась на нѣсколько лѣтъ въ Иркутскѣ ея дочь съ мужемъ, по фамиліи Рейхель, очень недурнымъ портретистомъ, и съ цѣлой кучей дѣтей.

Юшневскій кромѣ того былъ хорошій музыкантъ и слылъ чуть ли не лучшимъ учителемъ для фортепіано въ Иркутскѣ, но искусство это въ нашей глухой провинціи въ тѣ времена не пользовалось большимъ распространеніемъ и не могло прокормить учителя. На свои городскіе уроки А. П. уѣзжалъ раза три въ недѣлю утромъ и возвращался часу въ первомъ къ обѣду; въ отсутствіе его для занятій съ нами математикою являлся Петръ Ивановичъ Борисовъ, съ которымъ у насъ также и тотчасъ установились наилучшія отношенія. Если Юшневскій намъ импонировалъ своимъ обширнымъ умомъ и сдержанностью и мы питали къ нему благоговѣйное уваженіе, не лишенное нѣкотораго трепета, то съ Борисовымъ у насъ завязалась прямая и самая безхитростная дружба, такъ какъ при своей непомѣрной безобидности

и кротости онъ намъ былъ больше по плечу. Не знаю, былъ ли онъ хорошимъ математикомъ, знаю только, что во мнѣ онъ ни способностей къ этой наукѣ, ни любви къ ней не развилъ, но зато онъ насъ увлекалъ большою своею страстью къ природѣ и къ естественнымъ наукамъ, которыя изучилъ недурно, особенно растительное и пернатое царства Сибири; рисовалъ же онъ птицъ и животныхъ, какъ я упоминалъ выше, съ замѣчательнымъ мастерствомъ. По окончаніи уроковъ онъ, если день былъ хорошій, тотчасъ же бралъ насъ съ собой на прогулку въ лѣсъ, и для насъ это составляло великое удовольствіе: въ лѣсу мы не столько рѣзвились на просторѣ, сколько ловили бабочекъ и насѣкомыхъ и несли ихъ къ Борису, и онъ тутъ же опредѣлялъ зоологическій видъ добычи и старался подѣлиться съ нами своими свѣдѣніями. Иногда приводилъ онъ насъ къ себѣ въ свой крохотный домикъ, и тогда, лишь только мы переступали порогъ комнаты, несчастный братъ его, никогда не снимавшій съ себя халата и не выходившій на воздухъ, порывисто вскакивалъ изъ-за переплетнаго станка и убѣгалъ въ сосѣдную комнату, такъ что мы никогда не видали его лица. Въ жилище Борисова насъ всегда манила собранная имъ небольшая коллекція сибирскихъ птицъ и мелкихъ животныхъ, а также великое множество его собственныхъ рисунковъ, за работой которыхъ онъ просиживалъ всѣ часы своихъ досуговъ. Въ этой страсти онъ находилъ для себя источникъ труда и наслажденія въ своей однообразной и безпросвѣтной жизни, а товарищи старались сдѣлать изъ нея ресурсъ для матеріальнаго улучшенія обстановки братьевъ, но довольно безуспѣшно, потому что тогда интересъ къ естественно историческому изученію Сибири еще не проснулся въ Россіи. Впрочемъ въ разсказываемое время въ Восточную Сибирь пріѣхала ревизія сенатора Толстаго, и одинъ изъ чиновниковъ ея Б., человѣкъ богатый, безъ всякихъ иныхъ побудительныхъ

причинъ, кромѣ тщеславія, задумалъ составить иллюстрированное описаніе своей поѣздки по Сибири и сдѣлалъ Борису великій заказъ рисунковъ сибирской фауны и флоры. Съ какимъ рвеніемъ засталъ Петръ Ивановичъ за любимую свою работу—нечего и говорить и должно быть превзошелъ самого себя, насколько могу судить по тѣмъ восторженнымъ похваламъ, какія расточали ему Юшневскіе всякій разъ, какъ онъ приносилъ показать только-что оконченный рисунокъ. Позднѣе я слышалъ, что богачъ Б. обсчиталъ безъ зазрѣнія совѣсти этого труженика, не умиравшаго съ голоду единственно благодаря помощи товарищей-декабристовъ, и не доплатилъ далеко всего, что было условлено.

Разсказывалъ иногда намъ во время отдыха Борисовъ и о своемъ прошломъ, о житіи въ Читѣ, въ Петровскомъ заводѣ и т. п., и дѣлалъ это конечно въ формѣ, примѣнительной къ нашему возрасту; разсказы эти, къ сожалѣнію, давно мною перезабуты, и у меня осталось отъ нихъ развѣ то общее впечатлѣніе, что когда онъ своимъ тихимъ голосомъ передавалъ тяжелыя испытанія свои и своихъ товарищей, то намъ становилось чрезвычайно жаль этихъ добрыхъ и симпатичныхъ людей, такъ много пострадавшихъ на своемъ вѣку; едва ли нужно прибавлять, что онъ при этомъ никогда не обвинялъ правительство и не развивалъ въ насъ никакихъ злобныхъ чувствъ. Изъ его разсказовъ въ моей памяти почему-то сохранился слѣдующій. Когда Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ былъ доставленъ фельдъ-егеремъ изъ Петербурга въ Читу, то, прежде помѣщенія его въ казематъ, у него, по установленному обычаю, сдѣланъ былъ приставомъ осмотръ вещей; Муравьевъ былъ большой щеголь и между прочимъ любилъ прыскаться духами, а потому въ его чемоданѣ было нѣсколько стклянокъ съ одеколономъ; приставъ не имѣлъ понятія о такихъ потребностяхъ, а потому, не удовлетворившись объясненіемъ, что это одеколонъ, откупорилъ одну бутылку и

взялъ глотокъ жидкости въ ротъ; понятно, онъ поперхнулся, закашлялся и, насилу отплевавшись, произнесъ наконецъ съ раздраженіемъ: „Помилуйте, это Богъ знаетъ, что такое! Какъ же можно употреблять такой горлодѣръ? Да я думаю, самъ Е. И. В. великій князь Михаилъ Павловичъ не разрѣшаетъ себѣ такихъ крѣпкихъ напитковъ!“ И я помню, какъ Борисовъ, рассказывая этотъ эпизодъ, благодушно смѣялся надъ наивностью захолустнаго чиновника, полагавшаго, что великій князь, по своему высокому положенію, долженъ употреблять не иначе какъ самые крѣпкіе напитки.

IV.

Время для насъ проходило незамѣтно въ урокахъ съ Юшневскимъ и Борисовымъ, въ прогулкахъ и играхъ, а вечерами, когда наступили длинные осенніе вечера, и если у Юшневскихъ не было гостей, то А. П. или рассказывалъ намъ что-нибудь, то поучительное, то забавное, или заставлялъ насъ по очереди читать вслухъ разные рассказы и путешествія, достаточно удобопонятные, чтобы заинтересовать наше воображеніе. Я хотя и учился съ большимъ стараніемъ, но въ дѣтствѣ былъ порядочный разгильдяй и очень разсѣянный мальчикъ, и Юшневскій прозвалъ меня почему-то «рахманнымъ», и эта кличка оставалась за мной въ продолженіе всего пребыванія въ ихъ домѣ. Чтобы иллюстрировать степень моей тогдашней сообразительности, могу привести слѣдующій образчикъ. Какъ-то въ началѣ осени я схватилъ насморкъ; Юшневская замѣтила это за ужиномъ и приказала мнѣ, когда я буду ложиться спать, намазать хорошенько подошвы свѣчнымъ саломъ. Я и исполнилъ приказаніе буквально, а такъ какъ въ то время призна-

валъ существованіе подошвъ только у обуви, то, улегшись въ постель, взялъ свои сапоги и очень добросовѣстно началъ мазать ихъ подошвы саломъ. За этой работой засталъ меня Юшневскій и съ большимъ изумленіемъ спросилъ: «Коля, что за глупости ты это дѣлаешь?» и когда я ему съ дѣловитою озабоченностью отвѣтилъ: „Марья Казиміровна мнѣ приказала отъ насморка намазать подошвы“, то даже онъ, этотъ почти никогда не улыбавшійся человѣкъ, не могъ удержаться и разразился громкимъ смѣхомъ. И долго мнѣ доставалось потомъ за эти подошвы и за этотъ первый опытъ моей медицинской практической дѣятельности! При этомъ я былъ очень застѣнчивъ и легко терялся съ мало знакомыми мнѣ людьми, а потому всякій наѣздъ гостей, когда въ залѣ накрывали къ обѣду большой столъ, обращался для меня въ немалую пытку. Особенно боялся я декабриста Панова, который довольно часто пріѣзжалъ къ обѣду и любилъ потѣшаться надо мной. Это былъ небольшого роста плотный блондинъ, съ большими выпуклыми глазами, съ румянцемъ на щекахъ и съ большими свѣтло-русыми усами; за обѣдомъ онъ начиналъ стрѣлять въ меня шариками хлѣба и, должно быть любясь моимъ конфузомъ, приставалъ ко мнѣ съ вопросами обыкновенно все въ одномъ и томъ же родѣ: „а зачѣмъ у тебя мои зубы? когда ты у меня ихъ стащилъ? давай же мнѣ ихъ тотчасъ же назадъ!“. Слѣдующіе разы повторялись тѣ же вопросы по поводу носа, глаза; я краснѣлъ до ушей, готовъ былъ провалиться подъ столъ и былъ чрезвычайно радъ, когда по окончаніи обѣда могъ удалиться въ свою комнату. Гости бывали вообще нерѣдко, заѣзжали большею частію товарищидекабристы изъ ближайшихъ деревень; чаще же всѣхъ приходилъ, отдуваясь и запыхиваясь, сосѣдъ А. З. Муравьевъ; онъ былъ всегда веселъ, всегда хохоталъ, и его приходъ составлялъ для насъ праздникъ: онъ, бывало, расшевелитъ даже сдержаннаго Юшневскаго, пере-

будоражить всѣхъ въ нашемъ тихомъ домикѣ, а намъ, дѣтямъ, наскажеть съ три короба разныхъ смѣшныхъ анекдотовъ изъ разряда „не любо—не слушай“. Его всѣ любили за беззавѣтную и дѣятельную доброту: онъ не только платонически сочувствовалъ всякой чужой бѣдѣ, а дѣлалъ все возможное, чтобы помочь ей; въ нашей деревушкѣ онъ скоро сдѣлался общимъ благодѣтелемъ, потому что, претендуя на знаніе медицины, онъ розыскивалъ самъ больныхъ мужиковъ и лѣчилъ ихъ, помогая имъ не только лѣкарствами, но и пищею, деньгами, — всѣмъ, чѣмъ только могъ. Между прочимъ онъ изучилъ и зубоврачебное искусство и мастерски рвалъ зубы, что я имѣлъ случай лично испытать впоследствии на себѣ, когда мнѣ было лѣтъ около 11-ти. И замѣчательно, его необычайная тучность не дѣлала его ни апатичнымъ, ни малоподвижнымъ, хотя при его хлопотливости причиняла ему немало бѣдъ; такъ, на моей памяти онъ при паденіи изъ экипажа разъ сломалъ себѣ ногу, а въ другой разъ—руку. Чуть ли онъ и умеръ не вслѣдствіе одного изъ этихъ паденій, а умеръ онъ или въ самомъ концѣ 40-хъ годовъ, или въ началѣ 50-хъ. Впоследствии онъ изъ Малой Разводной переселился въ Большую Разводную, лежавшую на 5 верстъ выше по Ангарѣ, гдѣ выстроилъ себѣ небольшой домикъ. Въ этомъ домикѣ одно время гостили декабристы Бестужевы, Николай и Михаилъ Александровичи. По отзывамъ товарищей, Николай принадлежалъ къ числу умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени; средній же братъ Александръ, извѣстный подъ литературнымъ именемъ Марлинскаго, оставался на поселеніи недолго и уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ ему позволено было поступить въ военную службу рядовымъ, а вскорѣ былъ убитъ. Братья Бестужевы были переведены на жительство за Байкалъ въ Селенгинскъ, гдѣ оставили по себѣ отличную память, такъ какъ много содѣйствовали поднятію этого небольшого городка какъ въ умственномъ, такъ и въ эконо-

А. П. Юшневскій.

мическомъ отношеніи. Ихъ труды и участіе въ обученіи дѣтей дали въ послѣдствіи такихъ хорошихъ и образованныхъ сибирскихъ купцовъ, каковы были Старцевы и Лушниковы. Н. А. Бестужевъ и умеръ въ Селенгинскѣ; М. А., женившись на селенгинкѣ, дожилъ до амнистіи и умеръ въ Москвѣ по возвращеніи.

Кромѣ товарищей нерѣдко посѣщали Юшневскихъ въ качествѣ гостей и кое-кто изъ образованныхъ городскихъ обывателей; Юшневскій былъ большой хлѣбосоль и очень любилъ угощать малорусскими и польскими блюдами, а потому гости эти нерѣдко оставались къ обѣду. Во время нашей жизни у него онъ отвелъ на дворѣ небольшое мѣсто передъ окнами, огородилъ его частоколомъ и посѣялъ кукурузу; нянчился онъ съ ней съ удивительнымъ стараніемъ, самъ поливалъ, укрывалъ отъ утренниковъ и добился-таки своего; я помню, съ какимъ торжествомъ онъ потомъ угощалъ за обѣдомъ своихъ гостей разваренной кукурузой. Гости ѣли этотъ неизвѣстный до того въ Сибири продуктъ, а хозяинъ былъ очень доволенъ своей побѣдой надъ суровымъ климатомъ. Вообще за довольно обширнымъ своимъ огородомъ онъ слѣдилъ самъ, хотя поддерживалъ его исключительно для своей домашней потребности; сельскимъ же хозяйствомъ вовсе не занимался.

Не смотря на это, деревенское населеніе относилось къ нему съ большимъ уваженіемъ и часто обращалось за совѣтомъ. Смутно припоминаю, что за преобладаніе вліянія на мірскія дѣла боролись тогда въ Малой Разводной два мужика, оба Петры по имени и которыхъ въ различіе, по росту, одного называли Петруха большой, а другаго—Петруха малый; вся деревня подѣлилась между этими предводителями на двѣ партіи, отношенія между которыми до того обострились въ описываемое время, что дѣло часто доходило до ссоръ и потасовокъ, послѣ чего міръ обращался къ Юшневскому съ просьбою разсудить ихъ дѣло. Нерѣдко А. П. съ свойствен-

нымъ ему юморомъ рассказывалъ за обѣдомъ, какъ къ нему поутру въ 10-й разъ приходилъ то тотъ, то другой изъ крестьянъ, какъ къ посреднику для разбора ихъ пререканій то изъ-за бабы, то изъ-за какой нибудь оглобли и т. п.

V.

Лѣто 1842 г., которое мы прожили у Юшневскихъ, прошло очень тревожно для Иркутска. Оно ознаменовалось эпидеміей страшныхъ пожаровъ, вслѣдствіе поджоговъ сначала въ восточной Россіи, а потомъ въ Сибири: сначала въ нѣсколько приѣмовъ горѣла Казань, затѣмъ чуть не до тла выгорѣла Пермь, сильно пострадалъ Томскъ и наконецъ очередь дошла до Иркутска. Въ городѣ одновременно во многихъ мѣстахъ были подняты подметныя письма, въ которыхъ населеніе предупреждалось приблизительно за недѣлю впередъ, что такого-то числа іюля городъ будетъ зажженъ съ разныхъ концовъ и предназначается къ полному истребленію огнемъ. Въ виду дошедшихъ уже извѣстій о томъ, какія ужасныя бѣдствія причинили поджоги, обративши названные выше города въ груды пепла и оставивши тысячи жителей безъ крова и безъ средствъ, невозможно было пренебречь такими предостереженіями, а потому весь Иркутскъ всполошился и былъ охваченъ паникой; не только полиція усилила свой надзоръ, но и домохозяева сами образовали изъ себя патрули, обходившіе денно и ночью свои участки. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, паника порождала появленіе ложныхъ слуховъ о найденныхъ будто бы въ разныхъ мѣстахъ приготовленіяхъ для поджога въ видѣ смоленныхъ стружекъ, пакли, о поимкѣ какихъ-то подозрительныхъ людей и т. п. — и

возросла до того, что наканунѣ предсказаннаго для пожара дня болѣе зажиточная и трусливая часть населенія стала складывать свои пожитки на воза и выѣзжать въ разныхъ направлѣнїяхъ изъ города за рѣки, благо городъ съ 3-хъ сторонъ окруженъ водою; многіе выбирались на ближайшія къ Иркутску горы, Верхоленскую и Кайскую, рассчитывая, что это самыя удобныя обсерваторіи для наблюденія за ходомъ пожара въ городѣ. Грозный день наступилъ и прошелъ безъ всякихъ приключеній, такъ же благополучно миновали и послѣдующіе дни, и населеніе стало успокоиваться и понемногу возвращаться на свои мѣста. Для насъ, дѣтей, эти дни общей тревоги, напротивъ, въ Разводной прошли шумнѣе и веселѣе обычныхъ, потому что одинъ изъ иркутскихъ знакомыхъ Юшневскихъ, купецъ Баснинъ, прислалъ къ намъ своихъ сыновей, чтобы удалить ихъ въ безопасное мѣсто на случай пожара,—и это увеличеніе нашей компаніи немало способствовало большому оживленію нашихъ игръ и шалостей, но дня черезъ два гости наши вернулись въ отчій домъ, и у насъ снова воцарился прежній порядокъ и благочиніе.

Съ началомъ осени мы стали поджидать возвращенія отца и матери изъ Нижняго, — и у меня живо сохранился въ памяти тотъ моментъ, когда мы, въ ожиданіи ихъ оставаясь въ Иркутскѣ, дождались, какъ въ концѣ сентября, въ свѣтлое, солнечное утро, часу въ 10-мъ отворились ворота нашего дома и вкатилъ пузатый тарантасъ, покрытый грязью и пылью,—и мы бросились съ крыльца въ объятія прибывшихъ.

Мы продолжали ѣздить къ Юшневскому и оставались у него съ понедѣльника до субботы, и не могу навѣрное припомнить, но, кажется, въ январѣ 1844 г. нашимъ занятіямъ суждено было внезапно прерваться. Случилось, что въ это время умеръ въ деревнѣ Оёкъ (верстахъ въ 30 отъ Иркутска) поселенный тамъ декабристъ Вадковскій; Юшневскій отправился на похороны товарища и

самъ тамъ скончался совершенно неожиданно для своихъ друзей; во время заупокойной обѣдни, при выходѣ съ Евангеліемъ, онъ поклонился въ землю и когда стоявшіе подлѣ него товарищи, удивленные, что онъ долго не поднимается на ноги, рѣшились тронуть его, то онъ уже былъ мертвъ. Извѣстіе это тотчасъ же дошло до насъ, и мы много горевали о смерти учителя, къ которому успѣли сильно привязаться.

Я очень хорошо понимаю, что изъ моихъ поверхностныхъ штриховъ, набросанныхъ подъ руководствомъ дѣтской памяти и сильно затертыхъ временемъ, читатель не въ состояніи будетъ сдѣлать себѣ ясное представленіе о личности Юшневскаго; тѣмъ не менѣе я рѣшилъ отдать въ печать свои воспоминанія, отчасти въ надеждѣ, что они могутъ все-таки современемъ пригодиться, какъ источники, а отчасти смотря на нихъ, какъ на свой нравственный долгъ въ отношеніи наставника. Если я не въ силахъ показать теперь точно и въ деталяхъ педагогическіе приемы Юшневскаго и тайну его вліянія на наши дѣтскіе умы и души, то ужъ одно то глубокое благоговѣніе, какое сохранилось во мнѣ въ его памяти, доказываетъ, что Юшневскій, не будучи педагогомъ по профессіи, былъ воспитатель далеко не заурядный. Впослѣдствіи я слышалъ отъ декабристовъ, что онъ и въ ихъ кругу выдѣлялся, на-ряду съ Николаемъ Бестужевымъ, Никитой Муравьевымъ и Лунинымъ, своимъ необыкновенно свѣтлымъ умомъ и образованностью и пользовался общимъ уваженіемъ за благородство характера и непоколебимость убѣжденій; притомъ же онъ и по возрасту былъ однимъ изъ старшихъ изъ нихъ и во время открытія заговора состоялъ уже въ званіи интенданта южной арміи и въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Вдова его вернулась до общей амністіи въ Россію и умерла въ 60-хъ годахъ, кажется, въ Кіевѣ, въ глубокой старости.

. . . . .

VI.

Черезъ нѣсколько дней отецъ снова самъ повезъ насъ въ Малую Разводную, предупредивъ, что мы увидимъ тамъ своего новаго будущаго учителя. Съ сжатымъ сердцемъ вошелъ я въ знакомый домикъ и почти не узналъ самой большой комнаты — залы: всѣ стѣны ея были обтянуты чернымъ, въ переднемъ углу между двумя окнами помѣщался католическій алтарь, убранный также чернымъ коленкоромъ и уставленный длинными восковыми свѣчами; въ комнатахъ пахло ладономъ. Марья Казиміровна вышла къ намъ заплаканная, тоже вся въ черномъ и при видѣ насъ разразилась рыданіями; понятно, и наши нервы не могли выдержать такого испытанія и мы тоже горько разрыдались. Но тутъ вскорѣ подошелъ къ намъ будущій нашъ учитель, увелъ насъ за руки въ ту комнату, которая во время пребыванія нашего въ Разводной служила намъ классной, и подвергъ легкому экзамену наши свѣдѣнія во французскомъ языкѣ. Благоговѣніе и привязанность, какія внушилъ намъ къ себѣ покойный Юшневскій, были такъ глубоки, что я помню, съ какимъ недоброжелательствомъ и даже враждебнымъ чувствомъ смотрѣли мы на человека, который долженъ былъ замѣнить его для насъ, и какъ неохотно ему отвѣчали. Учитель этотъ былъ Александръ Викторовичъ Поджіо, также декабристъ, но котораго мы до сихъ поръ ни разу не видали у Юшневскихъ. Съ этимъ наставникомъ связали меня впоследствии самыя теплыя и дружескія отношенія, продолжавшіяся до самой его смерти, постигшей его въ 1873 году, а потому я имѣю возможность привести о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія.

Длинные черные волосы, падавшіе густыми прядями на плечи, красивый лобъ, черные выразительные глаза, орлиный носъ, при среднемъ ростѣ и изящной пропор-

ціональности членовъ, давали нашему новому наставнику привлекательную внѣшность и вмѣстѣ съ врожденною подвижностью въ движеніяхъ и съ живостью характера ясно указывали на его южное происхожденіе. Подъ этой красивой наружностью скрывался человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ и рѣдкой души. Тяжелая ссылка и испорченная жизнь только закалили въ немъ рыцарское благородство, искренность и прямоту въ отношеніяхъ, горячность въ дружбѣ и тому подобныя прекрасныя свойства итальянской расы, но при этомъ придали ему рѣдкую мягкость, незлобіе и терпимость къ людямъ, которыя до конца его жизни дѣйствовали обаятельно на всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться. Я много странствовалъ по свѣту, много знавалъ хорошихъ людей, однако другаго такого идеальнаго типа альтруиста мнѣ не приходилось встрѣчать, хотя, вѣруя въ чело-вѣчество, не сомнѣваюсь, что, быть можетъ, пока въ рѣдкихъ экземплярахъ, онъ существуетъ вездѣ. Съ безукоризненной чистотой своихъ нравственныхъ правилъ, съ непоколебимою вѣрностью имъ и послѣдовательностью во всѣхъ своихъ поступкахъ и во всѣхъ мелочахъ жизни, съ неподкупною строгостью къ самому себѣ,—онъ соединялъ необыкновенную гуманность къ другимъ людямъ и снисходительность къ ихъ недостаткамъ и въ самомъ несимпатичномъ человѣкѣ онъ умѣлъ отыскать хорошую чело-вѣчную сторону, искру добра и старался раздуть эту искру; дѣлалъ онъ это какъ то просто, безыскусственно, въ силу инстинктивной потребности своей прекрасной натуры, не задаваясь никакимъ доктринерствомъ, никакою преднамѣренною тенденціозностью. Оттого-то, будучи человѣкомъ средняго, невыдающагося ума, онъ производилъ сильное впечатлѣніе на окружающихъ, главное своею нравственной чистотой и духовною ясностью, и всякій въ бесѣдѣ съ нимъ ощущалъ, какъ съ него постепенно сходила черствая кора условныхъ привычекъ и ходячей морали, и въ его при-

существованіи всякій чувствовалъ себя чище и становился примиреннѣе съ людьми. За то всѣ знавшіе его не только къ нему сильно привязывались, но у многихъ любовь эта доходила до боготворенія. Такимъ вспоминается мнѣ Поджіо и въ своей сибирской обстановкѣ, въ сношеніяхъ съ темнымъ міромъ сибирскаго населенія, такимъ же я зналъ его въ послѣдствіи вольнымъ человѣкомъ, и въ Швейцаріи, и въ Италіи, родинѣ его предковъ, куда онъ попалъ уже дряхлѣющимъ старикомъ; но и въ этотъ послѣдній періодъ своей жизни, когда старость и недуги часто приковывали къ постели его изнуренное тѣло, онъ продолжалъ сохранять юношескую вѣру въ человѣка, чуткую отзывчивость къ чужому горю и живо интересоваться міровыми событіями. Хотя въ жилахъ его текла итальянская кровь и къ Италіи онъ чувствовалъ естественную нѣжность, однако въ душѣ онъ былъ чисто русскій человѣкъ и безгранично любилъ Россію, но не тою слѣпою любовью, которая закрываетъ глаза на тѣневые стороны и на кричащіе недостатки и возводитъ грубость понятій и нравовъ въ идеалъ самобытности, а тѣмъ просвѣщеннымъ чувствомъ истиннаго патріота, которое видитъ первое условіе для благоденствія родины въ правильномъ и постепенномъ прогрессѣ, жертвуетъ собственною личностью для достиженія этого благоденствія и не разочаровывается и не падаетъ духомъ, когда его самопожертвованіе не приноситъ явнаго результата. Казалось бы, этому полу-итальянцу слѣдовало возненавидѣть Россію, гдѣ лучшая половина его жизни прошла въ тюрьмѣ и сибирскомъ изгнаніи, въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ, невѣжествомъ и чуть не бѣдностью, но тотъ духовный патріотизмъ, который обыкновенно противопоставляется квасному, только растетъ и закаляется отъ всякихъ лишеній и личныхъ жертвъ, принесенныхъ для блага родины, — и 75-ти лѣтній Поджіо былъ искрененъ, какъ всегда, когда, любясь со мною изумительной панорамой Флоренціи съ S.

Miniato, говорилъ мнѣ: „что за роскошь, что за рай! и мечталъ ли я, что когда-нибудь увижу все это собственными глазами? но не думайте, любезный другъ, что я желалъ бы здѣсь закрыть на вѣки мои глаза и быть похороненнымъ въ этой чудной и живописной могилѣ; нѣтъ, я желалъ бы умереть непременно въ Россіи и тамъ оставить мои кости». Онъ сдержалъ и это свое слово; на слѣдующее же лѣто его умирающимъ перевезли въ Россію, гдѣ онъ черезъ нѣсколько недѣль и скончался. А насколько близка и родственна была связь у этого образцоваго русскаго патріота съ Италіей—это сейчасъ будетъ видно изъ тѣхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ, которыя я сообщу.

VII.

Александръ Викторовичъ Поджіо происходилъ изъ древней итальянской фамиліи. Отецъ его имѣлъ имѣнье и жилъ въ верхней Италіи, въ провинці Новара, въ концѣ прошлаго столѣтія, когда началась французская революція, нарушившая по сосѣдству и въ Италіи весь строй мирной обывательской жизни. Онъ былъ друженъ съ кѣмъ-то изъ числа тѣхъ французскихъ легитимистовъ, которыхъ волна первой революціи выбросила въ Россію, и именно въ Одессу, и этотъ пріятель сталъ зазывать Поджіо-отца перебраться изъ Италіи, волнуемой постоянными смутами, въ мирную Одессу, чтобы вмѣстѣ работать надъ созиданіемъ новаго города и надъ распространеніемъ культурной гражданственности на дѣвственной почвѣ южной Россіи. Поджіо послѣдовалъ этому зову и съ женой переселился въ Одессу, гдѣ такимъ образомъ вмѣстѣ съ его болѣе извѣстными товарищами—герцогомъ Ришелье, Ланжерономъ, Де-Рибасомъ—сдѣ-

лался однимъ изъ первыхъ піонеровъ и устроителей этого города. Онъ выстроилъ себѣ тамъ домъ, пріобрѣлъ и благоустроилъ имѣніе въ Кіевской губерніи, далъ своимъ двумъ сыновьямъ, Осипу и Александру, прекрасное воспитаніе и опредѣлилъ ихъ въ гвардію, именно въ Преображенскій полкъ. Послѣ смерти отца молодые Поджіо продолжали служить въ Петербургѣ, а мать, къ которой они питали самую нѣжную любовь, стала жить въ Кіевскомъ имѣніи и завѣдывать хозяйствомъ. Братья скоро завоевали себѣ видное положеніе какъ на службѣ, такъ и среди гвардейской молодежи и петербургскаго общества, такъ какъ отличались изяществомъ и красотой, прекраснымъ воспитаніемъ и своими рыцарски благородными и въ то же время живыми, чисто-южными характерами. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что братья вскорѣ очутились въ числѣ первыхъ въ томъ новомъ движеніи, которое, по возвращеніи нашихъ войскъ изъ Парижа, распространилось въ гвардіи и въ арміи, точно также какъ нѣтъ ничего естественнаго, что они со всею горячностью своихъ 20-лѣтнихъ южныхъ темпераментовъ увлеклись идеею возрожденія Россіи путемъ коренныхъ реформъ и отмѣны крѣпостнаго права. Примѣрно до 1820 г. братья Поджіо считались въ числѣ самыхъ ревностныхъ пропагандистовъ новыхъ идей и самыхъ дѣятельныхъ посѣтителей тайныхъ совѣщаній, но около этого времени революціонный пылъ среди ихъ товарищей сталъ замѣтно остывать. Многіе изъ болѣе пылкихъ молодыхъ людей стали, видимо, разочаровываться въ успѣхѣ своихъ вождедѣній и перестали почти посѣщать засѣданія общества; такъ было и съ Поджіо, изъ которыхъ старшій женился, у него пошли дѣти и онъ отдался семейной жизни, тогда какъ Александръ Викторовичъ, чувствуя полный разладъ своихъ убѣжденій съ служебною дѣятельностью и потерявъ всякую надежду на близкую перемѣну къ лучшему, рѣшилъ бросить службу, вышелъ въ 1822 или 1823 году въ от-

ставку и поѣхалъ помогать матери въ деревенскомъ хозяйствѣ. Имѣніе это, какъ сказано выше, находилось въ Кіевской губерніи, т. е. какъ разъ въ томъ районѣ, гдѣ служили и дѣйствовали такія личности, какъ Пестель, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ Юшневскій и др., а потому Поджіо снова очутился въ кругу своихъ единомышленниковъ. Но и здѣсь онъ не нашелъ ничего такого, что обѣщало бы скорое осуществленіе его либеральныхъ стремленій, а потому еще болѣе разочарованный этимъ и не удовлетворенный своею сельскохозяйственной дѣятельностью, онъ уже составилъ планъ покинуть Россію и искать для себя новой жизни въ свободной Америкѣ. Помнится, у него уже былъ взятъ и заграничный паспортъ, какъ вдругъ скончался Александръ І-й, произошло кровавое столкновеніе на Сенатской площади, началось слѣдствіе, аресты и по дошедшимъ до А. В. извѣстіямъ объ арестованныхъ личностяхъ ему было очевидно, что скоро очередь дойдетъ и до него. Такъ оно вскорѣ и случилось: однажды А. В. былъ приглашенъ по сосѣдству на обѣдъ къ извѣстному герою 1812 года, генералу Раевскому, тестю декабриста кн. Волконскаго, въ его богатое имѣніе Грушевку; во время обѣда слышались колокольчики, почтовая тройка въѣхала въ ворота и вошедшій фельдъегерь предъявилъ приказъ объ арестованіи А. В. Поджіо и немедленномъ доставленіи его въ Петербургъ. Содержаніе въ Петропавловской крѣпости, въ Рогервикѣ, въ Шлиссельбургѣ, ссылка въ Сибирь и товарищеская жизнь въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ—все это неоднократно рассказано въ запискахъ, изданныхъ многими декабристами, а потому я пропускаю мимо, тѣмъ болѣе, что изъ рассказовъ А. В. Поджіо за это время я ничего не могъ бы прибавить такого, что дало бы новыя и доселѣ еще неизвѣстныя подробности.

Гораздо болѣе тяжелая и трагическая участь постигла Осипа Викторовича Поджіо. Онъ недолго прожилъ съ

своей первой женой, которая умерла, оставивъ двухъ малютокъ, сыновей Александра и Льва, и молодой вдовецъ вскорѣ затѣмъ влюбился въ дочь бывшаго тогда вліятельнаго статсъ-секретаря, а впоследствии таврическаго генералъ-губернатора Бороздина. Дѣвушка слыла первоклассной красавицей въ Петербургѣ, а потому у Поджіо было много соперниковъ, но онъ восторжествовалъ надъ всѣми и бракъ по обоюдной любви былъ заключенъ. Парочка вышла прелестная и, казалось, всякій могъ бы ей предсказать на много лѣтъ безмятежной, счастливой жизни, а между тѣмъ случилось такъ, что едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы и молодые еще не успѣли выйти изъ перваго угара страсти, какъ началось дѣло декабристовъ и О. В. Поджіо былъ, взятъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость за прежнее его весьма дѣятельное участіе въ заговорѣ, хотя въ послѣднее время онъ уже никакой роли въ немъ и не игралъ. Пылкій по своей южной, итальянской натурѣ, несчастный узникъ бился, какъ птица въ клѣткѣ, въ темной каморкѣ Петропавловской крѣпости; онъ чуть не сходилъ съ ума, вспоминая жену, дѣтей и недавнія картины своего идеальнаго счастья и сравнивая съ ужасной обстановкой тюрьмы и съ тѣмъ безвыходнымъ будущимъ, которое вставало передъ нимъ. Мѣсяцы проходили за мѣсяцами и даже потомъ, когда жены декабристовъ получили разрѣшеніе видаться съ своими мужьями въ крѣпости, Поджіо не могъ не только добиться такого свиданія, но даже получить хоть какое нибудь извѣстіе о своей женѣ и дѣтяхъ, потому что тестъ его, Бороздинъ, какъ благонамѣренный чиновникъ, хотѣлъ во что бы то ни стало, чтобы его дочь порвала всякую связь съ своимъ преступнымъ мужемъ и смотрѣла на него какъ на покойника; для этого онъ не только не пускалъ жену въ крѣпость, но принялъ всѣ мѣры, чтобы ни письма отъ мужа къ женѣ, ни отъ жены къ мужу не доходили по назначенію. Однако, какъ онъ ни старался очернить

зятя въ глазахъ дочери, послѣдняя рвалась къ мужу и сильно тосковала, не будучи въ состояніи добиться о немъ извѣстій, и когда наконецъ рѣшеніе суда состоялось и декабристы отправились въ сибирскую ссылку, а вслѣдъ за ними поѣхали туда же и ихъ жены, то и г-жа Поджіо, несмотря на всѣ уговоры отца, стала собираться въ дальній путь, чтобы розыскать въ Сибири своего мужа. Тогда Бороздинъ прибѣгнулъ къ рѣшительному, безчеловѣчному средству, чтобы разлучить навсегда дочь съ мужемъ: онъ сталъ хлопотать и, при его большихъ связяхъ, ему удалось добиться приказа—не отправлять его зятя въ Сибирь, а оставить его въ крѣпости на неопредѣленное время, и въ то время, какъ А. В. Поджіо и всѣ товарищи давно уже проживали дружеской и тѣсно-сплоченной корпораціей въ глубинѣ Азіи, ничуть не болѣе виновные другихъ Осипъ Викторовичъ да Батенковъ несли свое одиночное заточеніе въ Петропавловской крѣпости. Такъ прошло 8 длинныхъ лѣтъ; напрасно въ это время бѣдная жена силилась разузнать что-нибудь о мужѣ, она убѣдилась только, что его нѣтъ среди товарищей на сибирской каторгѣ, а гдѣ онъ, что съ нимъ, живъ или умеръ?—никто ей не могъ объяснить; зналъ истину только ея отецъ, но онъ молчалъ и по-прежнему употреблялъ всѣ усилія развлечь свою дочь и заставить ее забыть свое прошлое. Наконецъ, черезъ 8 лѣтъ это ему удалось, и она вышла въ Крыму снова замужъ, а когда этотъ вторичный бракъ состоялся, тогда и для О. В. Поджіо открылись двери его тюрьмы и онъ изъ крѣпости былъ отправленъ въ Сибирь къ товарищамъ. Ни годы, ни крѣпость не умалили его любви къ женѣ, и онъ ѣхалъ въ Иркутскъ, увѣренный, что онъ найдетъ ее тамъ, а если нѣтъ, то выпишетъ немедленно къ себѣ. Хотя до брата и его друзей дошло уже извѣстіе о вторичномъ бракѣ жены О. В., но ни у кого не хватило духу сообщить эту вѣсть ему и нанести новый ударъ бѣдняку, уже такъ много переиспытавшему въ

крѣпости, и который теперь со всѣмъ пыломъ итальянской фантазіи строилъ планы о возобновленіи своего, такъ неожиданно и на такой длинный срокъ нарушеннаго, семейнаго счастья. Пришлось нѣкоторое время обманывать его и, мало-по-малу подготавливая къ удару, скрывать истину, пока она не была открыта ему, кажется, по просьбѣ декабристовъ, тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири В. Я. Руппертомъ.

Я помню очень хорошо фигуру Осипа Викторовича: въ немъ почти не удержался итальянскій типъ, онъ мало имѣлъ сходства съ братомъ и, въ противоположность послѣднему, былъ высокъ ростомъ, широкоплечъ и далеко не такой выраженный брюнетъ. Его атлетическое сложеніе было однако совсѣмъ расшатано крѣпостнымъ заключеніемъ, онъ сильно страдалъ скорбутомъ, не выносилъ ни твердой, ни горячей пищи, и я помню, какъ свою тарелку супа онъ выносилъ всегда въ холодныя сѣни, чтобы остудить ее. Скорбутъ же, вѣроятно, и былъ причиною его ранней смерти, такъ какъ онъ умеръ въ Иркутскѣ еще въ концѣ 40-хъ годовъ.

VIII.

Въ описываемое время, т. е. въ 40-хъ годахъ, иркутскіе декабристы пользовались уже значительной свободой; большинство изъ нихъ жило въ окрестныхъ деревняхъ съ правомъ время отъ времени пріѣзжать въ городъ, а вскорѣ многіе изъ нихъ и совсѣмъ перебрались въ Иркутскъ, по крайней мѣрѣ, на зимніе мѣсяцы, и первый примѣръ тому подали, помнится, Волконскіе. Кромѣ названной мною разводинской колоніи, въ окрестностяхъ Иркутска проживали еще слѣдующіе декабристы: Трубецкой, Волконскій, Никита и Александръ

Муравьевы, оба брата Поджіо, Сутгофъ, Мухановъ, Пановъ, докторъ Вольфъ, Бечасновъ — и размѣстились они въ такомъ порядкѣ: Трубецкой съ семьей, Сутгофъ съ женой, Вадковскій и Лунинъ жили въ большомъ селѣ Оѣкъ, въ 30 верстахъ отъ Иркутска; но эта колонія въ 40-хъ годахъ совсѣмъ уже разсѣялась, потому что Вадковскій, какъ мы сказали выше, умеръ, Сутгофъ получилъ разрѣшеніе вступить рядовымъ въ кавказскую армію, а Лунинъ, если не ошибаюсь, еще въ 1841 г. за написанное имъ возраженіе противъ „донесенія слѣдственной коммиссіи“ по дѣлу декабристовъ и дошедшее до свѣдѣнія императора Николая, былъ внезапно арестованъ и сосланъ въ Акатуевскій рудникъ нерчинскихъ заводовъ, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и умеръ. Волконскіе жили въ деревнѣ Урикѣ, въ 17 верстахъ отъ Иркутска, гдѣ у нихъ былъ свой помѣстительный домъ и обширное сельское хозяйство, которымъ занимался съ большимъ увлеченіемъ старикъ Волконскій. Въ Урикѣ же жили Никита и Александръ Михайловичи Муравьевы, Николай Алексѣевичъ Пановъ и докторъ Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ. Никита Михайловичъ Муравьевъ въ это время былъ вдовъ, похоронивъ свою самоотверженную жену, которую всѣ декабристы боготворили какъ своего ангела хранителя; любовь эту они перенесли на оставшуюся послѣ нея дочку Софью, которую всѣ называли не иначе какъ Нонушка. Въ половинѣ 40-хъ годовъ Нонушку увезли для воспитанія въ Москву, я уже не засталъ ея въ Урикѣ и только помня, какъ часто и съ какою нѣжностью произносилось ея имя стариками декабристами, я впоследствии, будучи въ Москвѣ студентомъ, воспользовался случаемъ ее видѣть и нашелъ ее чрезвычайно симпатичной. Тогда она была уже замужемъ за Бибиковымъ и умерла въ Москвѣ въ 1892 г. Самъ Никита Михайловичъ Муравьевъ вскорѣ же умеръ въ Урикѣ, гдѣ и похороненъ рядомъ съ Пановымъ. Другой братъ А. М. Муравьевъ женился на гувернанткѣ дѣ-

тей Волконскихъ и еще въ концѣ 40-хъ годовъ получилъ разрѣшеніе поступить на государственную службу въ Западной Сибири и дослужился въ Тобольскѣ до званія совѣтника губернскаго правленія. Докторъ Вольфъ умеръ тоже въ первой половинѣ 40-хъ годовъ, а потому я его не помню, но память о немъ долго сохранялась въ иркутскомъ обществѣ, какъ о весьма искусномъ и гуманномъ врачѣ; вѣра въ него была такая, что, и двадцать лѣтъ спустя, мои иркутскіе пациенты мнѣ показывали его рецепты, уже выцвѣтшіе отъ времени и хранимые съ благоговѣніемъ какъ святыня, спасающая нѣкогда ихъ отъ смерти. — Наконецъ, братья Поджіо и Мухановъ пріютились въ 7 верстахъ отъ Урика, въ глухой деревушкѣ Усть-Куда, да Бечасновъ жилъ особнякомъ въ Смоленщинѣ, въ 12 вер. отъ Иркутска.

Двумя главными центрами, около которыхъ группировались иркутскіе декабристы, были семьи Трубецкихъ и Волконскихъ, такъ какъ онѣ имѣли и средства жить шире и обѣ хозяйки—Трубецкая и Волконская своимъ умомъ и образованіемъ, а Трубецкая—и своею необыкновенною сердечностью, были какъ бы созданы, чтобы сплотить всѣхъ товарищей въ одну дружескую колонію, а присутствіе дѣтей въ обѣихъ семьяхъ вносило еще больше оживленія и теплоты въ отношенія. Нельзя не пожалѣть, что такіе высокіе и цѣльные по своей нравственной силѣ типы русскихъ женщинъ, какими были жены декабристовъ, не нашли до сихъ поръ ни должной оцѣнки, ни своего Плутарха, потому что, если революціонная дѣятельность декабристовъ мужей, по условіямъ времени, не допускаетъ насъ относиться къ нимъ съ совершеннымъ объективизмомъ и историческимъ безпристрастіемъ, то ничто не мѣшаетъ признать въ ихъ женахъ такіе классическіе образцы самоотверженной любви, самопожертвованія и необычайной энергіи, образцы, какими въ правѣ гордиться страна, выростившая ихъ, и которые безъ всякаго зазора и незави-

симо всякой политической тенденціозности могли бы служить въ женской педагогіи во многихъ отношеніяхъ идеальными примѣрами для будущихъ поколѣній. Какъ не почувствовать благоговѣйнаго изумленія и не преклониться передъ этими молоденькими и слабенькими женщинами, когда онѣ, выросшія въ холѣ и въ атмосферѣ столичнаго большаго свѣта, покинули, часто наперекоръ совѣтамъ своихъ отцовъ и матерей, весь окружающій ихъ блескъ и богатство, порвали со всѣмъ своимъ прошлымъ, съ родными и дружескими связями, и бросились, какъ въ пропасть, въ далекую Сибирь съ тѣмъ, чтобы розыскать своихъ несчастныхъ мужей въ каторжныхъ рудникахъ и раздѣлить съ ними ихъ участь, полную лишеній и безправія ссыльно-каторжныхъ, похоронивъ въ сибирскихъ тундрахъ свою молодость и красоту. Чтобы еще болѣе оцѣнить величину подвига Трубецкой, Волконской, Муравьевой, Нарышкиной, Энтальцевой, Юшневской, Фонъ-Визиной, Анненковой, Ивашевой и др., надо помнить, что все это происходило въ 20-хъ годахъ, когда Сибирь представлялась издали какимъ-то мрачнымъ, ледянымъ адомъ, откуда, какъ съ того свѣта, возвратъ былъ невозможенъ и гдѣ властвовалъ произволъ такихъ легендарныхъ жестокосердыхъ воеводъ, которыми были только что сошедшіе со сцены правители Пестель, Трескинъ и другіе. Некрасовъ попробовалъ было представить необычайную духовную силу, обнаруженную этими женщинами въ ихъ борьбѣ съ безчисленными препятствіями, въ двухъ поэмахъ, посвященныхъ памяти Трубецкой и Волконской, но при всемъ нашемъ уваженіи къ его таланту и не смотря на много горячихъ, истинно вдохновенныхъ строкъ, въ цѣломъ эти поэмы оставляютъ насъ неудовлетворенными и кажутся и холодными, и мѣстами натянутыми, оттого-ли что самъ поэтъ въ эту пору уже и постарѣлъ и зачерствѣлъ, и недостаточно проникнуть былъ благодарнымъ сюжетомъ, или же слишкомъ былъ онъ связанъ цензурными условіями, чтобы

свободно и безыскусственно подняться до нравственной высоты вдохновившихъ его героинь и очертить ихъ болѣе натуральными красками. Несомнѣнно, однако, что при описаніи путешествій Трубецкой и Волконской Некрасовъ пользовался многими достовѣрными источниками. Такъ, въ концѣ 50-хъ годовъ въ Иркутскѣ я собственными глазами читалъ подлинное предписаніе отъ 1826 года сибирскаго генераль-губернатора Лавинскаго, находившагося въ Петербургѣ, иркутскому губернатору Цеймерну; въ этой бумагѣ Лавинскій сообщалъ губернатору о предстоящемъ приѣздѣ въ Иркутскъ двухъ женъ декабристовъ, Нарышкиной и Энтальцевой, для слѣдованія за мужьями и предписывалъ ему употребить всевозможныя мѣры, чтобы убѣдить отказаться этихъ дамъ отъ ихъ намѣренія; для этого онъ совѣтовалъ сначала дѣйствовать ласковыми убѣжденіями, представляя путешественницамъ, что, вернувшись обратно въ Россію, онѣ сохранятъ свои имущественныя и сословныя права, а не сдѣлаются безправными женами каторжныхъ; въ случаѣ же, если бы Цеймернъ уговариваніемъ не могъ достигнуть своей цѣли, то ему предписывалось перемѣнить ласковый тонъ на рѣзкій, пробовать дѣйствовать устрашеніемъ и особенно не скупиться на преувеличенныя и самыя черныя краски, изображая, что значить осеннее путешествіе по Байкалу, когда осенніе вѣтры зачастую носятъ парусныя суда цѣлый мѣсяцъ по озеру, не позволяя пристать къ берегамъ, и когда экипажъ рискуетъ погибнуть отъ голода и холода. Генераль-губернаторъ давалъ самыя подробныя указанія, какъ запугать двухъ слабыхъ женщинъ въ дикомъ краю, и я очень жалѣю, что не имѣлъ возможности снять копию съ этого любопытнаго предписанія и привести его въ подлинныхъ выраженіяхъ; оно бы самымъ документальнымъ образомъ доказало, что Некрасовъ, приводя діалогъ между княгиней Трубецкой и губернаторомъ въ Иркутскѣ, не выдумалъ его отъ себя и былъ безусловно правъ съ точки

зрѣнія исторической правды, вложивъ въ уста губернатора замѣчательныя слова:

„Простите! да, я мучилъ васъ
„И мучился и самъ,
„Но строгій я имѣлъ приказъ
„Преграды ставить вамъ!
„И развѣ ихъ не ставилъ я?
„Я дѣлалъ все, что могъ,
„Передъ судомъ душа моя
„Чиста, свидѣтель—Богъ!

Правъ онъ точно также, говоря отъ лица Волконской:

„Въ Иркутскѣ продѣлали то же со мной,
„Чѣмъ такъ Трубецкую терзали...

ибо всѣ эти самоотверженные женщины должны были пройти черезъ сказанныя терзанія, когда высшая мѣстная власть, пользуясь ихъ беззащитностью въ дикомъ краѣ и незнакомствомъ съ нимъ, старалась всячески нагнать на нихъ ужасъ описаніемъ опасностей ихъ дальнѣйшей поѣздки и участи, ожидающей ихъ въ рудникахъ. Но ни одна изъ нихъ не дрогнула и не позволила отклонить себя отъ своего намѣренія. Сквозь тысячи преградъ натуральныхъ и искусственныхъ всѣ они добрались до мужей, безропотно исполняли свою миссію ангеловъ-хранителей и умерли, обожаемыя всѣми близко ихъ знавшими, хотя, увы! до сихъ поръ недостаточно оцѣненные потомствомъ. Прискорбно мнѣ то, что и мои воспоминанія не прибавятъ ничего новаго къ характеристикѣ этихъ замѣчательныхъ женщинъ; хотя я имѣлъ случай видать нѣкоторыхъ изъ нихъ, именно Юшневскую и Волконскую очень часто, а Трубецкую изрѣдка, но не умѣлъ ни цѣнить ихъ, ни понимать, потому что находился еще въ томъ возрастѣ, который заставляетъ смотрѣть на взрослыхъ слишкомъ снизу вверхъ и цѣнить ихъ лишь постольку, поскольку они имѣютъ соприкосновеніе съ интересами личной дѣтской жизни.

IX.

Въ 1845 г. Трубецкіе, какъ я сказалъ выше, жили еще въ Оекскомъ селеніи въ большомъ собственномъ домѣ. Семья ихъ тогда состояла, кромѣ мужа и жены, изъ 3-хъ дочерей,—старшей Александры, уже взрослой барышни, двухъ меньшихъ прелестныхъ дѣвочекъ, Лизы—10 лѣтъ и Зины—8 лѣтъ, и только-что родившагося сына Ивана. Былъ у нихъ еще раньше сынъ Левъ, умершій въ Оекѣ въ 9-ти лѣтнемъ возрастѣ, общій любимецъ, смерть котораго долго составляла неутѣшное горе для родителей и только появленіе на свѣтъ новаго сына отчасти вознаградило ихъ въ этой потерѣ. Самъ князь Сергѣй Петровичъ былъ высокій, худощавый человекъ, съ некрасивыми чертами лица, длиннымъ носомъ, большимъ ртомъ, изъ котораго торчали длинные и кривые зубы; держалъ онъ себя чрезвычайно скромно, былъ малоразговорчивъ, и вслѣдствіе этого считался человекомъ ума рядоваго. О княгинѣ же, Катеринѣ Ивановнѣ, урожденной графинѣ Лаваль, мнѣ трудно что-нибудь сказать, потому-что я видалъ ее очень мало и мнѣ пришлось бы повторять только банальности и то съ чужихъ словъ; помню только, что она была небольшого роста, съ пріятными чертами лица и большими кроткими глазами, и много отзыва о ней не слыхалъ, какъ тотъ, что это была олицетворенная доброта, окруженная обожаніемъ не только своихъ товарищей по ссылкѣ, но и всего оекскаго населенія, находившаго всегда у ней помощь словомъ и дѣломъ. Князь тоже былъ очень добрый человекъ, а потому мудренаго ничего нѣтъ, что это свойство перешло по наслѣдству и къ дѣтямъ, и всѣ они отличались необыкновенною кротостью. Въ половинѣ 1845 года произошло открытіе дѣвичьяго института Восточной Сибири въ Иркутскѣ, куда Трубецкіе въ пер-

вый же годъ открытія помѣстили своихъ двухъ меньшихъ дочерей, и тогда же переселились на житье въ городъ, въ Знаменское предмѣстье, гдѣ купили себѣ домъ.

Мое сближеніе съ семьей Волконскихъ было болѣе короткое, а потому я могу рассказать о ней сравнительно больше; она заключалась тогда изъ мужа, жены, сына-подростка и дочери. Старикъ Волконскій, — ему уже тогда было около 60 лѣтъ, — слылъ въ Иркутскѣ большимъ оригиналомъ. Попадъ въ Сибирь, онъ какъ-то рѣзко порвалъ связь съ своимъ блестящимъ и знатнымъ прошедшимъ, преобразился въ хлопотливаго и практическаго хозяина и именно опростился, какъ это принято называть нынче. Съ товарищами своими онъ хотя и былъ друженъ, но въ ихъ кругу бывалъ рѣдко, а больше водилъ дружбу съ крестьянами; лѣтомъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ на работахъ въ полѣ, а зимой — любимымъ его времяпровожденіемъ въ городѣ было посѣщеніе базара, гдѣ онъ встрѣчалъ много пріятелей среди подгороднихъ крестьянъ и любилъ съ ними потолковать по душѣ о ихъ нуждахъ и ходѣ хозяйства. Знавшіе его горожане немало шокировались, когда, проходя въ воскресенье отъ обѣдни по базару, видѣли, какъ князь, примопившись на облучкѣ мужицкой телѣги съ наваленными хлѣбными мѣшками, ведетъ живой разговоръ съ обступившими его мужиками, завтракая тутъ же вмѣстѣ съ ними краюхой сѣрой пшеничной булки. Когда семья переселилась въ городъ и заняла большой двухъ-этажный домъ, въ которомъ впослѣдствіи помѣщались всегда губернаторы, то старый князь, тяготѣя больше къ деревнѣ, проживалъ постоянно въ Урикѣ и только время отъ времени наѣзжалъ къ семейству, но и тутъ, — до того барская роскошь дома не гармонировала съ его вкусами и наклонностями, — онъ не останавливался въ самомъ домѣ, а отвелъ для себя комнатку гдѣ-то на дворѣ, — и это его собственное помѣщеніе смахивало скорѣе на кладовую, потому что въ немъ въ большомъ

безпорядкѣ валялись разная рухлядь и всяческія принадлежности сельскаго хозяйства; особенной чистотой оно тоже похвалиться не могло, потому что въ гостяхъ у князя опять-таки чаще всего бывали мужички, и полы постоянно носили слѣды грязныхъ сапоговъ. Въ салонѣ жены Волконскій нерѣдко появлялся запачканный дегтемъ или съ клочками сѣна на платьѣ и въ своей окладистой бородѣ, надушенный ароматами скотнаго двора или тому подобными не салонными запахами. Вообще въ обществѣ онъ представлялъ оригинальное явленіе, хотя былъ очень образованъ, говорилъ по французски какъ французъ, сильно грассируя, былъ очень добръ и съ нами, дѣтьми, всегда милъ и ласковъ; въ городѣ носился слухъ, что онъ былъ очень скупъ. Такъ какъ мнѣ едва ли придется далѣе возвращаться къ старику Волконскому, то я здѣсь кстати расскажу мое послѣднее свиданіе съ нимъ, бывшее нѣсколько лѣтъ послѣ амнистіи, въ 1861 или въ 1862 году. Я былъ тогда уже врачомъ и проживалъ въ Москвѣ, сдавая свой экзамень на доктора; однажды получаю записку отъ Волконскаго съ просьбою навѣстить его. Я нашелъ его, хотя бѣлымъ, какъ лунь, но бодрымъ, оживленнымъ и притомъ такимъ наряднымъ и франтоватымъ, какимъ я его никогда не видывалъ въ Иркутскѣ; его длинные серебристые волосы были тщательно причесаны, его такая же серебристая борода подстрижена и замѣтно выхолена, и все его лицо съ тонкими чертами и изрѣзанное морщинами дѣлало изъ него такого изящнаго, картинно-красиваго старика, что нельзя было пройти мимо него, не залюбовавшись этой библейской красотой. Возвращеніе же послѣ амнистіи въ Россію, поѣздка и житье за границей, встрѣчи съ оставшимися въ живыхъ родными и съ друзьями молодости и тотъ благоговѣйный почетъ, съ какими всюду его встрѣчали за вынесенныя испытанія—все это его какъ-то преобразило и сдѣлало и духовный закатъ этой тревожной жизни необыкновенно яснымъ и

привлекательнымъ. Онъ сталъ гораздо словоохотливѣе и тотчасъ же началъ живо рассказывать мнѣ о своихъ впечатлѣніяхъ и встрѣчахъ, особенно за границей; политическіе вопросы снова его сильно занимали, а свою сельскохозяйственную страсть онъ какъ будто покинулъ въ Сибири вмѣстѣ со всей своей тамошней обстановкой ссыльно-поселенца. Но при всей этой видимой бодрости онъ жаловался на одышку и другія болѣзненные явленія, просилъ меня осмотрѣть его, — и я нашелъ у него старческое перерожденіе артерій съ послѣдовательнымъ разстройствомъ компенсаціи сердца, отекомъ ногъ и т. п. Тутъ же по поводу своихъ опухшихъ ногъ Волконскій передалъ мнѣ удивительную исторію, случившуюся съ нимъ въ Парижѣ, назидательную для врачей и для пациентовъ. Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ среди русской знати, ѣздившей за границу для лѣченія, большой репутаціей, какъ консультантъ, пользовался дрезденскій профессоръ Вальтеръ, и большинство обращалось къ нему за совѣтомъ и за назначеніемъ минеральныхъ водъ. Побывалъ у него и Волконскій, а потомъ черезъ нѣсколько времени, попавши въ Парижъ, почувствовалъ себя очень нехорошо: вѣроятно, отъ усиленной ходьбы по улицамъ, отъ частыхъ подъемовъ по высокимъ лѣстницамъ, дѣятельность больнаго сердца нарушилась и старика стали особенно беспокоить сильно отекающія ноги, и такъ какъ проф. Вальтеръ случайно находился тутъ же въ Парижѣ, то Волконскій, узнавъ объ этомъ, пришелъ къ нему посоветоваться. Недаромъ говорится: „въ Парижъ пріѣдешь—угоришь“; должно быть угорѣлъ и профессоръ и, сбитый съ панталыку суетой парижской жизни, принялъ больнаго, куда-то торопясь, спѣшно осмотрѣлъ наиболѣе мучившую его ногу, распухшую и всю испещренную красными и синими полосами, и затѣмъ, принявъ озабоченную фізіономію, безъ дальнѣйшихъ разспросовъ и околичностей сказалъ: „не могу скрыть отъ васъ, князь, что ваше состояніе крайне

серьезно: у васъ воспаленіе кровеносныхъ сосудовъ, болѣзнь настолько опасная, что если мы не поспѣшимъ отнять у васъ поскорѣе ногу, то я не ручаюсь за вашу жизнь. Но самъ я не хирургъ, а потому сдѣлаемъ лучше всего такъ: отправляйтесь немедленно домой и ложитесь въ постель, а сегодня же въ 4 часа я заѣду къ вамъ и привезу съ собой одного изъ лучшихъ здѣшнихъ хирурговъ и мы потолкуемъ, а такъ какъ, мнѣ кажется, операцію рискованно откладывать въ долгій ящикъ, то мы захватимъ съ собой и ассистентовъ и все нужное, чтобы сдѣлать ее тотчасъ же, если только найдемъ это нужнымъ“. Ошеломленный такимъ неожиданнымъ приговоромъ, старикъ еле доплелся до своей квартиры, перетревожилъ ужасною вѣстью всю свою семью, бывшую, къ великому счастью, вмѣстѣ съ нимъ въ Парижѣ, улегся въ постель и всѣ стали съ понятнымъ волненіемъ поджидать пріѣзда докторовъ. Въ положенное время они явились цѣлымъ взводомъ съ ящикомъ инструментовъ; семья тотчасъ же атаковала Вальтера разспросами, и онъ, повторивъ ей то же, что высказалъ утромъ больному, пошелъ съ врачами въ спальню пациента и сталъ совмѣстно съ ними осматривать ноги пациента и тутъ же, обращаясь къ дочери Волконскаго, указалъ ей на широкія красныя и синія полосы, покрывавшія густою сѣтью распухшія голени, какъ на зловѣщій признакъ воспаленія венъ, заставляющій его настаивать на операци. „Какъ?—сказала молодая женщина,—да вѣдь это полосы отъ цвѣтныхъ шерстяныхъ чулокъ, которые носить всегда папа!“ и, увидавъ удивленіе, смѣшанное съ недовѣріемъ, на лицѣ ученаго нѣмца, распорядилась подать мыло и теплую воду и тотчасъ же на глазахъ консилиума смыла на чисто всѣ эти грязныя полосы и пятна. Смущенный Вальтеръ поспѣшилъ ретироваться съ привезенными хирургами и инструментами. „Да, не заступись за меня дочь, отхватили бы мнѣ ваши знаменитые коллеги обѣ ноги, а то бы, пожалуй,

и совсѣмъ зарѣзали“,—закончилъ Волконскій свой рассказъ, добродушно посмѣиваясь. Это было мое послѣднее свиданіе съ старикомъ; онъ вскорѣ уѣхалъ изъ Москвы и въ половинѣ бо-хъ годовъ умеръ въ имѣніи своего зятя Кочубей, въ селѣ Воронки, Козелецкаго уѣзда, Черниговской губерніи.

X.

Но если старикъ Волконскій, поглощенный своими сельскохозяйственными занятіями и весь ушедшій въ народъ, не тяготѣлъ къ городу и гораздо больше интересовался деревней, то жена его, княгиня Марья Николаевна, была дама совсѣмъ свѣтская, любила общество и развлеченія и съумѣла сдѣлать изъ своего дома главный центръ иркутской общественной жизни. Говорятъ, она была хороша собой, но, съ моей точки зрѣнія 11-ти-лѣтняго мальчика, она мнѣ не могла казаться иначе, какъ старушкой, такъ какъ ей перешло тогда за 40 лѣтъ; помню ее женщиной высокой, стройной, худощавой, съ небольшой относительно головой и красивыми, постоянно щурившимися глазами. Держала она себя съ большимъ достоинствомъ, говорила медленно и вообще на насъ, дѣтей, производила впечатлѣніе гордой, сухой, какъ бы ледяной особы, такъ что мы всегда нѣсколько стѣснялись въ ея присутствіи; но своихъ дѣтей, Мишеля и Нелли, она любила горячо и хотя и баловала ихъ, но въ то же время строго слѣдила сама за ихъ воспитаніемъ. Мишель былъ на два года старше меня и въ 1845 г. ему минуло 13 лѣтъ, Нелли же была на 2 года моложе своего брата. Зимой въ домѣ Волконскихъ жило шумно и открыто, и всякій, принадлежавшій къ иркутскому обществу, почиталъ за честь бывать въ немъ,

и только генераль-губернаторъ Рупертъ и его семья и иркутскій гражданскій губернаторъ. Пятницкій избѣгали, вѣроятно, изъ страха, чтобы не получить выговора изъ Петербурга, появляться на многочисленныхъ праздникахъ въ домѣ политическаго ссыльнаго. Въ описываемое мною время оживленію Иркутска немало содѣйствовало присутствіе въ немъ ревизіи сенатора Толстаго, назначенной въ 1844 г., и въ составъ которой входило чело-вѣкъ 15 молодежи изъ лучшихъ знатныхъ фамилій; тутъ были кн. Львовъ, кн. Голицынъ, кн. Шаховской, гр. Сиверсъ, баронъ Ферзенъ, Безобразовъ и др.—и всѣ они постоянно врацались у Волконскихъ, потому что, кромѣ этого дома и дома Трубецкихъ, тогдашняя иркутская жизнь мало могла дать для развлеченія свѣтской молодежи, а у Волконскихъ же бывали и балы, и маскарады, и всевозможныя зимнія развлеченія. Мой старшій братъ и я, сдѣлавшись учениками А. В. Поджіо, тотчасъ же попали въ этотъ кругъ и стали часто бывать въ немъ; такихъ сверстниковъ для компаніи Мишелю, большею частію изъ воспитанниковъ губернской гимназіи, собиралось постоянно чело-вѣкъ 15, и это посѣщеніе свѣтскаго барскаго дома не могло не вліять на насъ въ хорошую сторону, исподволь шлифуя наши нравы и манеры, оставлявшіе желать многого по причинѣ глухой обстановки тогдашней провинціальной жизни.

Однажды задумано было устроить домашній спектакль изъ мальчиковъ, собиравшихся въ домѣ Волконскихъ; не помню, кто былъ распорядителемъ и кого угораздило выбрать для этого Фонъ-Визинскаго „Недоросля“, піесу, меньше всего подходившую для домашняго театра и во всякомъ случаѣ бывшую далеко не по [силамъ юныхъ артистовъ. Волненіе и суета поднялись въ нашемъ кружкѣ великія; роли были розданы и переписаны; Мишель долженъ былъ изображать Митрофана, жившій у нихъ въ домѣ и учившійся съ нимъ мальчикъ Звѣревъ—Простакову, мой братъ—Правдина и т.д.; на мою долю

досталась небольшая роль Простакова, которую я исправно отзубрилъ, но все боялся, что сробѣю передъ публикою и меня бросало то въ холодъ, то въ жаръ при мысли, что вдругъ, выйдя на сцену, я пере забуду все и не въ состояніи буду произнести ни одного слова; даже просыпаясь ночью, я старался пробѣжать въ головѣ всю роль, начиная съ выходной фразы: „мѣ... мѣшковать немного“.—Уже заказаны были декорации, и репетиціи у Волконскихъ шли довольно часто въ полномъ составѣ нашей труппы, но то ли изъ игры нашей ничего путнаго не выходило, то ли по другимъ причинамъ, затѣя эта вскорѣ рухнула, и намъ такъ и не удалось дебютировать на сценическихъ подмосткахъ. Надо полагать что актеры мы были самые первобытные, потому что ни одинъ изъ насъ ни разу не видалъ до того никакихъ образцовъ, которымъ могъ бы подражать, такъ какъ только около этого времени въ Иркутскѣ чуть ли не впервые появилась драматическая труппа дававшая публичные спектакли, да и то такая горемычная, что ея лицедѣйствомъ трудно было воспользоваться намъ для руководства.

Съ этими первыми театральными впечатлѣніями, испытанными мною на моемъ вѣку, связано у меня нѣсколько забавныхъ воспоминаній, которыя я приведу здѣсь для иллюстраціи того уровня, на какомъ находилось въ Сибири около половины XIX столѣтія сценическое искусство, и для этого позволю себѣ небольшое отступленіе. Начать съ того, что представленія прибывшей тогда въ городъ труппы происходили въ небольшомъ деревянномъ баракѣ, построенномъ въ центрѣ городского сада, живописно раскинувшагося по берегу Ангары; баракъ этотъ былъ такъ неказистъ и малъ, что когда я пріѣхалъ въ 1854 г. въ Иркутскъ уже юношей и нашелъ на окраинѣ этого сада вновь выстроенное зданіе благороднаго собранія или клуба, то для прежняго храма Мельпомены не нашли лучшаго употребленія, какъ обратить его въ кухню для новаго собранія. Наивность и публи-

ки, и актеровъ недалеко ушла отъ эпохи Аристофана,— и у меня еще тогда врѣзалась въ память одна афиша, на которой послѣ названія пьесы и поименованія дѣйствующихъ лицъ стояло примѣчаніе, предупреждавшее посѣтителей, чтобы они не думали, что актеръ такой-то выйдетъ на сцену въ дѣйствительно пьяномъ видѣ, а что опьяненіе это будетъ кажущееся, требуемое исполняемою имъ ролью. Очень памятенъ мнѣ также мой восторгъ, когда отецъ въ первый разъ меня взялъ съ собой въ этотъ баракъ на одно изъ представлений, и то чувство, не то недоумѣнія, не то разочарованія, какое я испыталъ послѣ него, вернувшись домой. Спектакль состоялъ изъ двухъ пьесъ; сначала шелъ какой-то переводный водевиль изъ испанскихъ нравовъ, подъ названіемъ „Донъ Рануде де-Калибрадосъ“ или „Что и честь, когда нечего ѣсть“, а потомъ извѣстное драматическое представленіе „Купецъ Иголкинъ“. Водевиль мнѣ показался верхомъ совершенства и остроумія, я такъ и закатывался со смѣху и съ затаеннымъ дыханіемъ ловилъ каждое слово актеровъ, которые мнѣ казались какими-то особыми существами, хотя едва ли на самомъ дѣлѣ они были на высотѣ достоинства испанскихъ грандовъ, ими изображаемыхъ. „Иголкинъ“ же меня удовлетворилъ гораздо меньше: патріотическая соль его мнѣ тогда была мало доступна, а актеры, вдругъ преобразившіеся изъ благородныхъ испанцевъ въ русскихъ гражданъ, стали до того ходульны, начали такъ дико завывать, что получалось впечатлѣніе чего-то неестественнаго, нагонявшего на меня, несмотря на жадный интересъ къ представленію, уныніе и даже скуку. А тутъ въ довершеніе всего случился еще эпизодъ, разрушившій всякую иллюзію въ одномъ изъ самыхъ патетическихъ мѣстъ: на сценѣ московская площадь съ Кремлемъ вдали, толпится народъ, съ колокольни Ивана Великаго несется мѣрный протяжный благовѣстъ; очевидно, благовѣстъ этотъ производился за кулисами ударами въ большой тазъ, и

вдругъ, шутя или неумышленно, тазъ этотъ вырвался изъ рукъ звонаря и съ звяканьемъ и дребезжаніемъ завертѣлся по полу,—отчего получился трезвонъ, слишкомъ знакомый всякому, и не имѣющій ничего общаго съ колокольнымъ звономъ, такъ что вся публика, настроенная мелодрамой на минорный тонъ, разразилась громкимъ хохотомъ. Наконецъ, когда представленіе кончилось и мы поѣхали домой, нашъ кучеръ Кузьма неожиданно обернулся съ козелъ и сказалъ отцу тономъ, звучавшимъ самой презрительной насмѣшкой: „ну ужъ кіятръ, А. В., только одно прозваніе; какой же это кіятръ?“—А что?—спросилъ удивленный отецъ,—развѣ ты тоже смотрѣлъ?—„А какъ же!—продолжалъ Кузьма,—мы съ кучерами смотрѣли сперва въ щелки снаружи, да тутъ плохо видать, а потомъ вышелъ къ намъ одинъ изъ ахтеровъ и говорить: не хотите ли, ребята, идти полюбопытствовать поближе, я васъ проведу даромъ. Ну, извѣстно, дѣло занятное; мы, человѣкъ 6, оставили лошадей на товарищей и прошли за нимъ въ домъ; а онъ, какъ насъ провелъ и говорить опять: ну, говорить, послуга за службу; вы тутъ смотрѣть можете, а только намъ безпремѣнно нуженъ для представленія кучерской армякъ; пушай намъ ктонибудь изъ васъ дастъ на часокъ на подержаніе, вернемъ безъ обману во всей исправности. Какъ это онъ намъ сказалъ, мы и видимъ—статья не подходящая: какъ можно хозяйское добро такъ зря отдать чужому человѣку; кто его знаетъ, какой онъ человѣкъ? А тутъ выскочили, значить, его товарищи и всѣ пристають—дайте, да дайте! Мы видимъ, дѣло дрянъ, хотѣли было вонъ, а они возьми, да дверь то замкни на замокъ, и у насъ тутъ безъ потасовки бы не обошлось, да одинъ изъ кучеровъ надумался и говорить: а ну васъ, черти!—берите вотъ мой армякъ, его не убудетъ; только бы, чтобы на чести, не рвать и не пачкать! Да тутъ же имъ и снялъ свой армякъ“. И тутъ отецъ мой припомнилъ, что новгородскій купецъ Иголкинъ ще-

голялъ дѣйствительно въ какомъ-то армякѣ, смахивавшемъ на кучерской и плохо приходившемся на могутный ростъ актера-трагика. Вотъ какими незатѣйливыми ресурсами обладало сценическое искусство въ Иркутскѣ менѣе чѣмъ полвѣка назадъ и пусть современники сравнятъ это положеніе съ настоящимъ и они невольно скажутъ: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Впрочемъ, тутъ же, около этого времени, въ концѣ 1846 г. или въ началѣ 1847 г., сдѣлана была попытка удовлетворить потребностямъ общества въ театраль-ныхъ позорищахъ и устроенъ былъ любительскій спектакль въ гимназій; поставлены были двѣ пьесы и исполненіе ихъ заслужило общее одобреніе, а интересъ спектакля еще увеличился тѣмъ, что одна изъ пьесъ была мѣстнаго произведенія и принадлежала, кажется, перу иркутскаго старожила, штабъ-лѣкаря А. И Орлова. У меня изъ нея въ памяти осталось нѣсколько куплетовъ, которые я привожу здѣсь, какъ любопытный и нигдѣ не сохраненный образецъ туземной поэзіи того времени. Вотъ эти куплеты:

Нашъ Иркутскъ—прекрасный городъ,
 Это—сушій Божій даръ,
 Хоть зимой въ немъ страшный холодъ,
 И ужасный лѣтомъ жаръ.
 Хоть въ Иркутскѣ не прельщаютъ
 Ни палаты, ни дворцы,
 Не дивятъ, не восхищаютъ
 Насъ гвардейцы-молодцы,
 Хоть блестящаго вокзала
 Долго мы не заведемъ,
 Хоть газеты иль журнала
 Мы еще не издаемъ,
 Хоть не пишемъ сочиненій
 На заказъ и на показъ
 И Демидовскихъ хоть премій
 Не биралъ никто изъ насъ,

Хоть, быть можетъ, очень многи
 Насъ во многомъ обвинять,
 Если дѣльно, если строго
 Разбирать насъ захотятъ
 Петербуржцы, москвитяне
 Съ европейскимъ ихъ умомъ,
 Но за то мы, иркутяне,
 Благоденственно живемъ.
 Есть у насъ всего довольно,
 Если взять да перечестъ,
 Такъ что вырвется невольно:
 Все въ Иркутскѣ нашемъ есть!
 Много всякаго запаса,
 Рыбы, дичи, сколько хошь,
 И огромный туязъ квасу
 На базарѣ льютъ за грошъ.
 Есть у насъ два гастронома
 И десятокъ поваровъ,
 И для тона есть два тома
 Превосходныхъ докторовъ и т. д.

Далѣе все въ этомъ же родѣ слѣдовало перечисленіе немудреныхъ и первобытныхъ достопримѣчательностей города, которое заканчивалось тѣмъ, что спросите у любого жителя и всякій вамъ скажетъ: „славно намъ въ Иркутскѣ жить!“ Понятно, такіе куплеты встрѣчены были восторженно и нѣкоторое время распѣвались польщенными иркутскими горожанами, которыхъ патріотическія претензіи почти и не шли далѣе здороваго пищеваренія и сытыхъ желудковъ. Вторая пьеса была нѣкогда извѣстный водевиль „Школьный учитель“, которому постарались тоже придать мѣстный колоритъ; такъ, между прочимъ, въ сценѣ экзамена вставленъ былъ такой вокальный діалогъ между учителемъ и учениками. Учитель: „Чѣмъ замѣчательна Сибирь, что въ ней растетъ, что въ ней родится?“. Ученики: „Корица, перецъ и имбирь“. Учитель: „Ребята, врать такъ не годится“.—Та-

ковы были зачатки иркутскаго театра, когда меня въ 1847 г. отправили учиться въ Москву, а въ 1854 г., когда я пріѣхалъ студентомъ домой на вакацію, то я уже нашелъ настоящій театръ въ весьма помѣстительномъ и специально выстроенномъ зданіи, съ ложами, съ постоянной труппой, съ репертуарами изъ пьесъ Гоголя, Островскаго и т. п., конечно, съ гардеробомъ, избавлявшимъ актеровъ отъ необходимости занимать костюмы у кучеровъ.

Такъ быстро развилась въ Иркутскѣ одна изъ отраслей изящнаго искусства,—и этому быстрому ея росту немало содѣйствовало, безъ сомнѣнія, присутствіе декабристовъ. Ужъ одна открытая жизнь въ домѣ Волконскихъ прямо вела къ сближенію общества и зароженію въ немъ болѣе смягченныхъ и культурныхъ нравовъ и вкусовъ. Но и помимо того, какъ ни старались остальные декабристы не слишкомъ выдаваться впередъ и сохранять свое скромное положеніе ссыльнопоселенцевъ, но единовременное появленіе въ небольшомъ и разнокалиберномъ обществѣ 20-тысячнаго городка 15 или 20 высокообразованныхъ личностей не могло не оставить глубокаго слѣда. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Николай Бестужевъ, Никита Муравьевъ, Юшневскій и Лунинъ, оказывали неотразимое вліяніе своими выдающимися умами, большинство же тѣмъ глубокимъ и разностороннимъ просвѣщеніемъ, пробѣлы въ которомъ они тщательно восполнили во время своей замкнутой отъ міра, но дружно сплоченной жизни въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ. Истинное просвѣщеніе сдѣлало то, что люди эти не кичились ни своимъ происхожденіемъ, ни превосходствомъ образованія, а напротивъ, старались искренно и тѣсно сблизиться съ окружавшей ихъ провинціальной средой и внести въ нее свѣтъ своихъ познаній; всѣ пройденныя ими въ жизни испытанія наложили на нихъ печать не озлобленія, не челоуѣконенавистничества, а безграничной гуманности, необыкновен-

наго благодушія и скромности и создали изъ нихъ тотъ своеобразный и рѣдкій въ Россіи типъ, который съ такимъ высокимъ художественнымъ тактомъ и такъ вѣрно воспроизводилъ гр. Л. Толстой въ отрывкѣ изъ романа „Декабристы“. Естественно поэтому, что они скоро завоевали себѣ общую любовь и уваженіе въ Иркутскѣ, и благотворное вліяніе ихъ на окружающую среду было глубоко, хотя, быть можетъ, и не легко уловимо, потому что достигалось медленно и незамѣтно, не громкими фразами и не блестящими дѣлами, а разумной и всегда согрѣтой гуманными наклонностями бесѣдой и личнымъ примѣромъ безукоризненной честности во всѣхъ проявленіяхъ своей будничной жизни, бывшей на виду у всѣхъ. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ взятые—они были такими живыми образцами культуры, что естественнымъ образомъ поднимали значеніе и достоинства ея въ глазахъ всякаго, кто съ ними приходилъ въ соприкосновеніе, и особенно въ тѣхъ, въ комъ бродило смутное сознаніе чего-то лучшаго въ жизни, чѣмъ то животное прозябаніе и самоопошляваніе, какими отличалась жизнь тогдашняго провинціального захолустья. И нѣтъ сомнѣнія, что весьма многіе изъ иркутскихъ чиновниковъ и купцовъ, только въ силу этого непосредственнаго обаянія просвѣщенія, почувствовали большую потребность въ духовныхъ наслажденіяхъ жизни, стали больше читать и особенно стали заботиться о томъ, чтобы дать своимъ дѣтямъ по возможности совершенное образованіе. Недаромъ же съ этого именно времени, т. е. съ конца 40-хъ годовъ, которые считаются въ Россіи самымъ глухимъ и неблагодарнымъ періодомъ въ исторіи русскаго просвѣщенія XIX вѣка, въ иркутскомъ обществѣ обнаруживается первое стремленіе молодежи въ русскіе университеты, которое, получивъ тогда первый толчекъ, продолжало съ тѣхъ поръ только прогрессивно расти и развиваться.

XI.

Но возвращаюсь къ разсказу о моемъ воспитаніи у А. В. Поджіо, продолжавшемся около двухъ лѣтъ, до мая 1847 года. Зимой для уроковъ,—первую зиму старшій братъ мой и я, а вторую—я и третій мой братъ,—ходили на городскую квартиру Поджіо, жившаго въ двухъ шагахъ отъ нашего дома, на Большой же улицѣ, а на лѣто мы переѣзжали съ нимъ вмѣстѣ въ его домикъ въ деревнѣ Усть-Куда. Учились мы у него французскому и русскому языкамъ, а для математики къ намъ въ домъ раза два въ недѣлю продолжалъ пріѣзжать кротчайшій П. И. Борисовъ изъ Малой Разводной. Не смотря на то, что Поджіо никакъ не принадлежалъ къ присяжнымъ педагогамъ и принялся за воспитаніе дѣтей, когда ему уже перешло за 40 лѣтъ, но это отсутствіе навыка и правильнаго метода окупалось у него чрезвычайной добро-совѣстностью и терпѣніемъ, такъ что мы скоро сдѣла-ли замѣтные успѣхи въ ученѣи и стали бойко болтать по-французски. Но главная суть не въ этомъ, а въ томъ, что нравственное вліяніе на насъ Поджіо, какъ воспи-тателя, было огромное. Я уже раньше сказалъ о его рѣдкой добротѣ и прекрасныхъ качествахъ, а потому, чтобы нечповторяться, прибавлю только, что при всей страстности и живости своего южнаго темперамента, которыхъ изъ него не могли вытравить ни крѣпость, ни ссылка, онъ не былъ ни раздражителенъ, ни вспыль-чивъ, и его обращеніе съ нами отличалось большою ровностью и чисто женственною нѣжностью, такъ что мы не могли не привязаться къ нему и не стараться от-платить ему нашимъ послушаніемъ; кромѣ того онъ всегда былъ искрененъ въ своихъ поступкахъ и не до-пускалъ ни малѣйшей фальши даже въ словахъ. Зимой, когда мы только на нѣсколько часовъ прибѣгали на

уроки въ его квартиру, это воспитательное его вліяніе на насъ было болѣе поверхностное и легко могло изглаживаться всей нашей остальной обстановкой грубоватаго провинціального быта, но другое дѣло—лѣтомъ, когда мы жили съ нимъ подъ одной крышей и совсѣмъ поступали подъ его наблюденіе, и тогда неизбѣжно подчинялись цѣльному обаянію его личности и проникались тою чистою и нравственно здоровою атмосферою, какая его постоянно окружала.

Въ полномъ разцвѣтѣ весны, примѣрно около половины мая, Поджіо увозилъ насъ съ собою въ деревню Усть-Куда, гдѣ у него былъ свой домикъ и свое огородное и полевое хозяйство, и тамъ мы оставались до половины сентября. Деревня эта лежитъ въ 23—24 верстахъ отъ Иркутска, немного въ сторонѣ отъ Ангарскаго тракта, при впаденіи рѣки Куды въ Ангару. Въ городъ для свиданья съ родными мы пріѣзжали не чаще одного или двухъ разъ въ мѣсяцъ, большею частью вмѣстѣ съ Поджіо, когда ему нужно было сдѣлать покупки въ городскихъ лавкахъ или повидаться съ кѣмънибудь по дѣламъ, и для насъ эти поѣздки составляли большое наслажденіе. Подавалась такъ называемая телѣжка или фаэтонъ на длинныхъ дрогахъ, запряженный парой лошадей; обыкновенно кучера не брали вовсе, а Поджіо правилъ самъ лошадьми, надѣвши въ рукава свою камлотовую шинель и сѣрую шляпу съ широкими полями, изъ подъ которой развѣвались его длинные черные волосы. На возвратномъ пути изъ Иркутска мы особенно любили подъемъ на Верхоленскую гору, на которой требовалось около получаса времени; тогда мы вылѣзали изъ экипажа и рыскали по окраинамъ дороги, углубляясь понемногу въ придорожный лѣсъ, то въ погонѣ за бабочками и насѣкомыми, то въ поискахъ за ягодами, грибами и цвѣтами, и, бывало, успѣвали такъ избѣгаться, что, когда А. В., взобравшись на гору, позоветъ насъ, мы, утомленные, бросались въ экипажъ и

крупной рысцей ѣхали дальше. За станціей Урикъ, гдѣ до разрѣшенія жить въ городѣ жили Волконскіе, мы сворачивали съ Ангарскаго тракта на узкій проселокъ и на этомъ перѣздѣ къ дому надо было переѣзжать въ бродъ рѣку Куду, гдѣ насъ ожидало новое удовольствіе: въ жаркіе дни А. В. позволялъ намъ выкупаться, а самъ, сидя на берегу, курилъ изъ своего длиннаго чубука и только поторапливалъ, чтобы мы не черезчуръ долго злоупотребляли этимъ перерывомъ нашего путешествія. Наконецъ, вотъ и наша резиденція Усть-Куда, гдѣ протекли два памятныхъ лѣта моего дѣтства, о которыхъ я всегда вспоминалъ съ любовью, и гдѣ съ того времени мнѣ не пришлось побывать ни разу.

Деревенька была небольшая, вытянувшаяся въ одну улицу изъ полусотни домовъ. Домъ, занимаемый Поджіо, былъ небольшою и отличался отъ прочихъ крестьянскихъ только тѣмъ, что былъ обшитъ тесомъ и потому казался опрятнѣе; небольшое крылечко со двора вводило въ обширныя темныя сѣни, откуда поднималась широкая лѣстница на чердакъ, служившій сѣннымъ сараемъ; изъ сѣней входъ былъ въ большую комнату съ окнами на деревенскую улицу, игравшую роль и салона и столовой; потомъ слѣдовали двѣ комнаты, выходившія на огородъ, изъ нихъ одну занималъ А. В., а другую я съ братомъ. Къ дому примыкалъ обширный дворъ, на которомъ мы большею частью рѣзвились во время отдыха отъ занятій; деревьевъ кругомъ не было, зато передъ нашими окнами тянулся рядъ парниковъ и грядъ, гдѣ Поджіо съ большими заботами выращивалъ всякую рѣдкую въ Сибири зелень и особенно ухаживалъ за дынями и канталупами, которыми очень гордился. Какъ итальянецъ по привычкамъ, онъ предпочиталъ мясу хорошіе овощи и фрукты, и отсутствіе послѣднихъ въ Иркутскѣ составляло для него чувствительное лишеніе. Мнѣ до сихъ поръ памятенъ его рассказъ, какъ радостно былъ онъ изумленъ, когда, по переселеніи въ Усть-Куду изъ Забайкалья при-

шедшая къ нему на другой же день крестьянка предложила, не хочетъ ли онъ у нея купить „яблочковъ“? — „Какъ? да откуда же вы ихъ привозите?“ — „Зачѣмъ привозить, батюшка, сами выводимъ здѣсь. — „Почемъ же вы ихъ продаете?“ — „Да положите рублика два за мѣшокъ. — Для Поджіо это былъ великій сюрпризъ, онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ: какъ? яблоки въ Сибири, да еще продаются мѣшками? и онъ приказалъ бабѣ непременно принести ему мѣшокъ, но разочарованіе наступило скоро, когда продавщица доставила ему мѣшокъ самага неказистаго картофеля, и тутъ онъ впервые узналъ, что за отсутствіемъ яблоковъ въ Сибири ихъ громкимъ именемъ титулуется простой картофель.

На нашемъ же дворѣ, кромѣ различныхъ хозяйственныхъ службъ, стояла особнякомъ маленькая избушка, вросшая въ землю и покачнувшаяся на бокъ: въ ней одиноко проживалъ сосланный за польское возстаніе полякъ Сабинскій; это былъ фанатикъ своей національной идеи и хотя съ декабристами онъ былъ хорошо знакомъ, но особенной близости между ними, казалось, не видѣлось. Во время нашихъ игръ во дворѣ мы нерѣдко видали его возвращающимся съ прогулки въ свою крохотную избушку, — и я какъ теперь помню его, хотя уже далеко не первой молодости, но стройную фигуру съ большими черными глазами, всегда смотрѣвшими строго и сосредоточенно изъ-подъ густо нависшихъ бровей; мы его немного побаивались, но къ этому дѣтскому страху примѣшивалось и невольное уваженіе послѣ того, какъ Поджіо сказалъ намъ, что это человѣкъ очень образованный и отлично говоритъ на семи языкахъ. Долго пришлось бѣдному Сабинскому изжить въ Сибири, и только въ амнистію 1856 года онъ получилъ разрѣшеніе вернуться на свою родину, въ Кіевъ, но продолжительная ссылка не сломила его энергіи и преданности польскому дѣлу и, какъ я узналъ впоследствии, во время возстанія 1863 года онъ снова вызвалъ противъ себя

преслѣдованіе правительства за дѣятельное участіе въ антирусскихъ демонстраціяхъ, за пѣніе гимновъ въ кiev-скихъ костелахъ, и снова былъ куда-то высланъ, будучи уже болѣе чѣмъ 70-ти лѣтнимъ старикомъ.

Кромѣ Поджіо, въ разстояніи нѣсколькихъ домовъ отъ него, проживалъ еще въ то время въ Усть-Кудѣ декабристъ Петръ Александровичъ Мухановъ въ своемъ новомъ, совсѣмъ съ иголки, выстроенномъ имъ самимъ домикѣ въ 3 или 4 комнатки, куда мы заходили довольно часто или съ Поджіо, или одни, такъ какъ Мухановъ на лѣто взялъ на себя занятія съ нами по ариѳметикѣ. Это былъ человѣкъ могучаго сложенія, широкоплечій и тучный, съ большими рыжими усами и нѣсколько суровый въ обращеніи, такъ что у насъ, дѣтей, особенной близости съ нимъ не было, а потому и личность его оставила мало слѣда въ моей памяти. Въ началѣ 50-хъ годовъ онъ померъ скоропостижно въ Иркутскѣ чуть ли не наканунѣ дня своего вступленія въ бракъ съ директрисой иркутскаго института М. А. Дороховой. Въ томъ возрастѣ, въ какомъ я былъ, меня гораздо больше, чѣмъ Мухановъ, интересовалъ, часто проживавшій въ его домикѣ, помѣшанный ссыльный Гаевскій. Кто онъ былъ прежде и за какую провинность попалъ онъ въ Сибирь, я и теперь не знаю; слышалъ я только, что онъ, будучи до наказанія человѣкомъ сановитымъ и образованнымъ, во время слѣдованія въ сибирскую ссылку былъ вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній на нѣсколько лѣтъ задержанъ въ тобольскомъ острогѣ и вынесъ въ немъ очень много тяжелыхъ притѣсненій, чтò и было причиной его помѣшательства. Онъ былъ маленькій, худенькій старичекъ, лѣтъ около 60, со сморщеннымъ лицомъ и вѣчно насупленными, густыми и сѣдыми бровями; его часто можно было видѣть на деревенской улицѣ, выступающимъ всегда величаво въ длинной, очевидно съ чужаго плеча, сѣрой выцвѣтшей шинели и сѣзжавшемъ ему на глаза картузѣ и постоянно разсуждающимъ

вслухъ самъ съ собою съ непомѣрной жестикуляціей. Человѣкъ онъ былъ кроткій и безобидный и только, когда ему противорѣчили или когда къ нему черезчуръ назойливо приставали деревенскіе мальчуганы, онъ горячился и раздражался такими отрывистыми, генеральскими окриками, которые заставляли догадываться, что прежде онъ принадлежалъ къ сословію лицъ командующихъ. Передъ Мухановымъ онъ просто благоговѣлъ и часто намъ таинственно и шепотомъ передавалъ, что это не кто иной, какъ великій князь Константинъ Павловичъ, желающій сохранять строжайшее инкогнито; себя же онъ считалъ за какого-то миѣческаго фельдмаршала фонъ-Пуфа, посланнаго съ войскомъ въ Китай для освобожденія принцессы Помаро, взятой китайцами въ плѣнъ и заточенной въ фарфоровой башнѣ. Отъ Муханова онъ часто заходилъ къ Поджіо и Волконскимъ, и декабристы всегда участливо принимали бѣднаго помѣшаннаго старика изъ состраданія къ его одиночеству и безпомощности. Мы съ братомъ часто выручали его изъ схватокъ съ деревенскими дѣтьми, а потому онъ къ намъ очень благоволилъ, произвелъ въ свои адъютанты, при встрѣчѣ разсылалъ насъ съ порученіями къ своей арміи и съ невозмутимой важностью главнокомандующаго выслушивалъ наши доклады; все это насъ очень забавляло, и мы много ухаживали за жалкимъ старичкомъ съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ свойственно въ тотъ возрастъ относиться къ занимательнымъ игрушкамъ. Много рассказывали тогда, какъ Гаевскій однажды забрался на пріемъ къ ревизору Толстому и началъ публично распекать его за какіе-то воображаемые промахи, сказавши между прочимъ: „ты сенаторъ Толстый“, а я изъ тебя сдѣлаю тонкаго“. О послѣдующей судьбѣ Гаевского, гдѣ и при какихъ условіяхъ кончилъ онъ свою безпріютную жизнь, я ничего не слыхалъ впослѣдствіи.

XII.

Подъ мягкимъ, хотя и неослабнымъ наблюдениемъ Поджіо, привольно и весело протекала наша деревенская жизнь. Уроки наши оставляли намъ много свободного времени, которое наполнялось самыми разнообразными развлечениями, но главнымъ притягательнымъ для насъ пунктомъ и источникомъ всякихъ увеселеній былъ Камчатникъ, лѣтняя резиденція Волконскихъ, отстоявшій въ 2-хъ — 3-хъ верстахъ отъ нашей деревни. Первоначально открылъ это мѣсто О. В. Поджіо и, прельстившись его величественной красотой и безлюдьемъ, выстроилъ для себя маленькій домикъ, а впоследствии мѣстность эта смаила и Волконскихъ и въ годы, описываемые мною, они имѣли тамъ уже давно обжитой, помѣстительный двухъэтажный домъ, съ разбросанными кругомъ него службами, но все это имѣло характеръ временнаго жилья и даже не было обнесено заборомъ. Мѣстность была дѣйствительно очень живописна; передній фасъ дома былъ обращенъ къ Ангарѣ, протекавшей своими быстрыми, хрустально чистыми струями въ 30—40 саженьяхъ отъ него и въ этомъ мѣстѣ дававшей весьма широкой плесъ, но сейчасъ же влѣво рѣка разбивалась на два или на три протока, огибавшіе большіе зеленые острова, поросшіе молодымъ кустарникомъ, березнякомъ, боярышникомъ и другими листовенными породами сѣверной природы; сзади дома непосредственно тянулась цѣпь лѣсистыхъ горъ, и одна изъ нихъ, самая высокая и ближайшая къ дому, съ вершины которой открывался превосходный видъ на дремучую даль съ прорѣзывавшею ее Ангарой, носила названіе въ память декабриста доктора Вольфа—Вольфсбергъ. Вокругъ дома столѣтнія лиственницы и сосны образовали тѣнистый природный паркъ, а сибирское

лѣто, такъ щедро вознаграждающее за свою кратковременность, развело богатый и роскошный цвѣтникъ своей разнообразной, дикой флоры. Большое достоинство этой дачи заключалось еще въ томъ, что близость холодной и быстрой рѣки значительно умѣряла жаръ знойнаго лѣта и дѣлала вечера даже прохладными.

А какъ весело жилось въ этомъ прелестномъ, хотя глухомъ и такъ страшно удаленномъ отъ европейской жизни уголкѣ! И не только это казалось мнѣ тогда, въ моей наивности и въ дѣтскомъ незнакомствѣ съ таинственнымъ прошлымъ этихъ почтенныхъ людей, чьихъ судьба, насильственно нарушивъ весь нормальный строй ихъ жизни, забросила на Камчатникъ, но впоследствии мнѣ не разъ приходилось слышать отъ самихъ декабристовъ, уже по возвращеніи ихъ въ Россію съ какою благодарною памятью и съ какимъ наслажденіемъ вспоминали они о своемъ пребываніи какъ въ этой, такъ и въ другихъ сибирскихъ дебряхъ. Конечно, все-же это была жизнь подневольная, а извѣстно, что даже золотая клѣтка, и тѣмъ менѣе сибирская, не въ состояніи замѣнить свободы, но въ этомъ-то и состояла замѣчательная, характерная черта декабристовъ, коренившаяся въ ихъ солидномъ образованіи и культурности, что они, казалось, легко примирялись съ своею участью. Этою культурностью достиглось прежде всего то, что они, проведя нѣсколько лѣтъ всѣ вмѣстѣ на каторгѣ, сплотились между собой въ тѣсный кружокъ, въ большую братскую семью, среди которой находилось нѣсколько человѣкъ съ выдающимся умомъ и въ которой члены, обладавшіе наибольшею нравственною силою и большими матеріальными средствами, поддерживали своею энергіею менѣе устойчивыхъ, а небогатымъ давали возможность и средства расширять кругъ своихъ познаній. Притомъ они не замкнулись въ своей кружковщинѣ и при переходѣ на поселеніе тотчасъ же постарались найти себѣ практическую дѣятельность по душѣ и пристроиться

къ какому-нибудь дѣлу на пользу края, гдѣ они были обречены искупать свою вину, а эта дѣятельная жизнь не позволяла имъ расплываться въ безплодныхъ сокрушеніяхъ о загубленной судьбѣ и ожесточаться, и, привлекая къ нимъ глубокія симпатіи и уваженіе со стороны туземнаго населенія, которыя они не могли не замѣчать на каждомъ шагу, напротивъ, болѣе или менѣе примиряла большинство изъ нихъ съ ихъ сибирскимъ настоящимъ.

На Камчатникъ мы отправлялись пѣшкомъ или вмѣстѣ съ А. В. Поджіо, или одни, иногда съ утра, но большею частью пообѣдавши дома, и обыкновенно находили тамъ шумную и веселую компанію. Кромѣ Волконской, мужъ которой часто отлучался по своему сельскому хозяйству въ Урикъ, дѣтей, товарища сына—Паши Звѣрева, гувернера, m-r. Милльеръ, и гувернантки, тамъ жилъ О. В. Поджіо и постоянно кто-нибудь временно гостилъ или изъ декабристовъ, или изъ городскихъ знакомыхъ. Нѣсколько разъ въ лѣто пріѣзжала семья Трубецкихъ, зачастую привозя съ собою двухъ барышень Раевскихъ. Раевскій тоже былъ политическій сосланный, прожившій также десятки лѣтъ въ Сибири, и хотя былъ сосланъ одновременно съ ними, но не считался принадлежащимъ къ ихъ кругу и, кажется, на каторгѣ съ ними не былъ. О немъ и его семьѣ я мало могу сказать; жилъ онъ въ селѣ Олонкахъ, въ бо-ти верстахъ отъ Иркутска, и имѣлъ кромѣ жены, двухъ дочерей и двухъ сыновей; дочерей онъ оставилъ при себѣ, а сыновей отправилъ для воспитанія въ Россію. Самъ Владиміръ Ѳедосѣвичъ Раевскій держалъ себя какъ-то особнякомъ и, должно быть, рѣдко выѣзжалъ изъ Олонокъ, потому что мнѣ ни разу не пришлось его видѣть ни у декабристовъ, ни въ городѣ; репутацію онъ имѣлъ человѣка весьма умнаго, образованнаго и остраго, но озлобленнаго и ядовитаго. Дочерямъ его въ описываемое время—старшей. Александрѣ было уже около 16-ти лѣтъ и она держала себя

съ нами взрослой, серьезной барышней, а меньшей Елизаветѣ—лѣтъ двѣнадцать. Когда прїѣзжали онѣ и Трубецкіе со своими тремя дочерьми, то изъ Камчатника тотчасъ же посылали за нами и устраивались тацны, *petits jeux*, игра въ горѣлки на лужайкѣ передъ домомъ и т. п. и обыкновенно праздникъ заканчивался фейерверкомъ, до котораго Мишель Волконскій былъ большой охотникъ и любилъ устраивать его самъ. Во всѣхъ этихъ увеселеніяхъ нерѣдко принимали участіе и сенаторскіе чиновники, прїѣзжавшіе также группами въ 2, 3, 4 человека повеселиться въ гостепріимномъ домѣ.

Немалую также роль въ развлеченіяхъ Камчатника играла охота, особенно осенью за зайцами, на которую захватывали и насъ. Наиболѣе страстнымъ охотникомъ изъ всѣхъ былъ О. В. Поджіо; у него была даже своя пара прекрасныхъ гончихъ собакъ,—и вотъ около конца августа эти умныя собаки, соскучившись лѣтнимъ бездѣйствіемъ, отправлялись на развѣдку на лежащіе противъ Камчатника острова, и тогда тявканье и гоньба по горячему Загряя и Плаксы (клички обѣихъ собакъ) начинали ежедневно разноситься далеко въ чуткомъ вечернемъ воздухѣ и смущать старческое сердце Ос. Вик—ча и 14-тилѣтнее сердце Мишеля, которому подарено было ружье, и онъ, какъ неофитъ, страстно жаждалъ охотничьихъ подвиговъ. Тогда, наконецъ, снаряжалась экспедиція, и хотя собственно стрѣлковъ было человекъ 8 или 10, экспедиція эта принимала большіе размѣры, потому что, помимо насъ и прислуги, нанималось нѣсколько десятковъ мужиковъ, бабъ и дѣтей и все это въ лодкахъ переправлялось на одинъ изъ сосѣднихъ острововъ. Эти дни охоты придавали особенное оживленіе нашей деревенской жизни и врѣзались въ моей памяти какъ одно изъ самыхъ яркихъ воспоминаній того времени. Еще наканунѣ мы помогали Ал. Вик—чу и Муханову набивать патроны, а въ день охоты съ утренней зарей спѣшили въ Камчатникъ и тамъ суетились, помогая на-

гружать большой карбазъ охотничьими снарядами и провизіею, между тѣмъ какъ собаки, визжа отъ радости, прыгали и метались какъ съумасшедшія. Наконецъ, все готово, карбазъ отваливалъ; гребцы едва успѣвали взяться за весла, какъ быстрая Ангара живо перебрасывала на выбранный островъ всю эту оживленную компанію, стряхнувшую съ себя всѣ заботы дня и горѣвшую нетерпѣніемъ поскорѣе добраться до бѣдныхъ зайцевъ, которые и не чувствовали, какая страшная гроза на нихъ надвигалась.

Высадившись, компанія торопливо пускалась въ путь по росистой и уже сморщившейся и пожелтѣвшей отъ осеннихъ утренниковъ травѣ; впереди быстро шагаль Осипъ Викт—чъ; онъ, какъ главный распорядитель, осматривалъ мѣстность, отдавалъ приказы загонщикамъ и распредѣлялъ, куда стать каждому охотнику. Братъ мой и я поступали по-очереди въ адъютанты то къ Алек. В—чу, то къ Осипу В—чу и очень дорожили своимъ прикомандированіемъ къ послѣднему, не столько ради его первенствующей роли, какъ лучшаго стрѣлка, сколько потому, что его собственное увлеченіе и охотничій азартъ невольно сообщались и намъ и придавали еще болѣшую живость переносимымъ впечатлѣніямъ. Вотъ, разставивши всѣхъ по мѣстамъ, О. В—чъ устанавливается, наконецъ, и самъ на облюбованномъ для себя мѣстѣ, обыкновенно передъ неширокою лужайкою, идущею вдоль невысокой поросли лѣса или кустарника, осматривается внимательно кругомъ и надѣваетъ пистоны; я помѣщаюсь сбоку на какомъ нибудь пнѣ, шагахъ въ десяти, и наблюдаю за О. В—мъ. Солнце стоитъ уже высоко и заливаетъ яркими лучами лежащій передъ нами пейзажъ начинающей блекнуть природы; въ чуткомъ осеннемъ воздухѣ уже разносятся гдѣ-то далеко отъ насъ крики загонщиковъ: го-го-го-го! Крики эти мало по малу приближаются къ намъ и среди этого нарастающаго гаму начинается слышаться тявканье пары гончихъ, но О. В—чъ продол-

жаеть стоять спокойно, прислонясь къ стволу дерева и разсѣянно шурясь на окружающую поляну; вдругъ тьяканье одной изъ собакъ быстро приблизилось къ намъ, еще нѣсколько мгновений и вблизи отъ насъ раздались разъ за разомъ два выстрѣла; О. В.—чѣ тотчасъ же встрепенулся и взвелъ курки, крикнувъ въ мою сторону отрывистымъ шепотомъ: „ну теперь, братецъ, стоятъ смирно!“ Повторять мнѣ приказъ не нужно, я и безъ того уже весь вниманіе и съ замирающимъ сердцемъ слѣжу за преобразившейся вмигъ фигурой стараго охотника: все лицо его какъ то оживилось, помолодѣло, глаза быстро перебѣгаютъ по лежащей передъ нами полянкѣ; вдругъ онъ съ необычайной быстротою перебрасываетъ ружье, прикладывается и направляетъ дуло впередъ; я безшумно поворачиваю глаза въ сторону направленного ружья и жду не безъ сердечнаго трепета, что вотъ-вотъ у меня подъ ухомъ раздастся оглушительный выстрѣлъ, но проходитъ нѣсколько секундъ, я оглядываюсь на О. В.—ча и вижу, что онъ уже опустилъ ружье и, стало быть, тревога была фальшивая. А между тѣмъ выстрѣлы все учащаются и справа и слѣва, сопровождаясь то возгласами торжества, то разочарованья; дикое оранье загонщиковъ все приближается, лай собакъ становится еще горячѣе, и вскорѣ надъ зеленью нашей полянки показывается отчаянно подпрыгивающая спинка бѣляка; О. В.—чѣ не медлитъ, слѣдуетъ выстрѣлъ, другой,—и заяцъ, сдѣлавъ прыжокъ въ сторону, пропадаетъ вдругъ изъ моихъ глазъ. „Кажется, убилъ; поищи тамъ“,—говоритъ мнѣ О. В.—чѣ, и я стремглавъ, не помня себя, бѣгу по указанію его пальца и послѣ немногихъ поисковъ взадъ и впередъ попадаю взоромъ на бѣлѣющую массу. Да, это заяцъ; онъ лежитъ, бѣдный, на боку и вздрагиваетъ ножками, глаза его еще поварачиваются, но они уже подернуты какой-то тусклой дымкой и не видятъ моего приближенія; его бѣлая пушистая шкурка слиплась на боку брызнувшей изъ

раны кровью; онъ мнѣ кажется необыкновенно большимъ, и я торжественно тащу его О. В—чу, который мелькомъ взглянулъ на него съ одобрительными словами: „славный, жирный!“ и снова сталъ въ выжидательную позу. И такъ продолжаемъ мы стоять 4—5 часовъ все на томъ же мѣстѣ, и часы эти летятъ незаметно, благо зайцевъ много и они то и дѣло шмыгаютъ мимо.

Наконецъ, солнце уже далеко перешло на западную половину неба, голоса загонщиковъ становятся и хриплѣе и лѣнивѣе, выстрѣлы рѣже и, наконецъ, я съ великимъ прискорбіемъ вижу появляющуюся между кустами фигуру одного изъ наименѣе ретивыхъ охотниковъ со словами: „а что, О. В., не пора ли червяка заморить, да и по домамъ?“ О. В—чъ самъ неохотно выслушивалъ это предложеніе, но покоряется ему, зная, что большинство соратниковъ не на его сторонѣ и что дѣйствительно запаздывать негодится, такъ какъ на обратные сборы времени уйдетъ немало. Начинается обходъ охотниковъ и снятіе ихъ съ мѣста, крики загонщиковъ смолкаютъ, и всѣ направляются къ коврамъ, разостланнымъ подъ деревьями, гдѣ ожидаетъ холодный завтракъ, кажущійся намъ необыкновенно вкуснымъ, и чай; происходитъ общій осмотръ добычи; всѣ разсаживаются на коврахъ и ѣда перемѣшивается разказами того или другаго охотника о пережитыхъ впечатлѣніяхъ дня, среди которыхъ случается и немало комическихъ эпизодовъ, поднимающихъ общій смѣхъ. Всѣ наэлектризованы очень весело, шутятъ и острятъ, и чаще всего мишенью остротъ дѣлался гувернеръ Милльеръ, подслѣповатый и очень близорукій человѣкъ и потому плохой стрѣлокъ, изводящій пропасть зарядовъ и всегда возвращающійся съ пустыми руками, а между тѣмъ великій хвастунъ и благѣрь. Въ числѣ постоянныхъ участниковъ нашихъ охотъ всегда находится одинъ изъ кудинскихъ крестьянъ, страстный охотникъ, являющійся съ своимъ кремневымъ

ружьемъ и съ своей бѣлой овчаркой-собакой, снсно выдрессированной для охоты за утками и болотной дичью и совсѣмъ непригодной для гоньбы за зайцами. Вотъ этого-то пса Милльеръ по своей подслѣповатости нерѣдко принималъ за зайца, подкрадывался къ нему и немало извелъ на него своихъ патроновъ и только благодаря тому, что онъ стрѣлокъ былъ горе-горькій, собака какъ бы чудомъ оставалась цѣлой и невредимой. За-то между нею и французомъ установились особые и дѣйствительно вызывавшія на смѣхъ отношенія: овчарка, добродушная и ласковая со всѣми, не могла видѣть равнодушно француза и какъ только онъ поднимался съ мѣста, тотчасъ же вскакивала, очевидно признавая въ немъ своего личного и опаснаго врага, отбѣгала на почти-тельное разстояніе и начинала неистово лаять и подпрыгивать. А такъ какъ собака всегда присутствовала при этихъ полевыхъ завтракахъ и при ней Милльеръ не могъ пошевелиться безъ того, чтобы не раздалось вблизи сердитое ворчанье, а вмѣстѣ съ тѣмъ не начались и обычныя остроты товарищей по охотѣ, то и самолюбивый французъ просто возненавидѣлъ своего лохматого врага. Наконецъ завтракъ былъ конченъ, мы усаживались въ карбазы и отчаливали отъ перебудораженнаго нами острова, на которомъ снова воцарялась непробудная тишина, и только уцѣлѣвшіе зайцы, вѣроятно, долго не могли успокоиться отъ волненія, причиненнаго нашимъ нашествіемъ. А мы съ трофеями возвращались домой, гдѣ на берегу насъ встрѣчали дамы. Континентальная сибирская осень отличается своею ясною сухостью, и я ни разу не помню, чтобы дождь или непогода захватили насъ на охотѣ и омрачили мои воспоминанія объ этихъ веселыхъ дняхъ, полныхъ для меня и донинѣ своею свѣтлою прелестью.

Ужение рыбы занимало также видную роль въ нашихъ лѣтнихъ досугахъ. У А. В. Поджіо былъ арендованъ подъ покось лугъ, извѣстный подъ названіемъ „Выго-

родки“, верстахъ въ 2-хъ—3-хъ отъ деревни и прилегавшій къ рѣкѣ Кудѣ; когда онъ отправлялся на Выгородки, то бралъ и насъ съ собой, къ компаніи нашей нерѣдко присоединялись Мишель съ Звѣревымъ и гувернеромъ, и мы по цѣлымъ часамъ простаивали съ удочками подъ тощими прибрежными ивами, вытаскивая изъ тихихъ заводей рѣки пескарей и окуней, водившихся въ ней въ изобиліи.

XIII.

Кромѣ того за это же время я пристрастился къ чтенію и эта страсть, только возраставшая съ годами, доставила мнѣ въ жизни самыя чистыя и высокія наслажденія, а потому я не могу не вспомнить съ благодарностью, что этой страстью я въ значительной степени былъ обязанъ времени, проведенному у А. В. Поджіо. Впрочемъ, я долженъ прибавить, что и отецъ мой, будучи весьма занятымъ своими торговыми дѣлами, любилъ постоянно читать и слѣдить за литературой, выписывалъ журналы, имѣлъ хорошую для того времени библіотеку и своимъ примѣромъ тоже поощрялъ во мнѣ зарождавшуюся страсть. Отецъ самъ по себѣ давалъ такую высокую цѣну хорошему образованію, что, вѣроятно, и безъ вліянія декабристовъ не остановился бы передъ трудностями дать намъ его, а трудности эти были весьма существенны и, помимо удаленности Иркутска отъ образовательныхъ центровъ, заключались и въ томъ, что отецъ пользовался только весьма умѣреннымъ достаткомъ, а никогда не считался богачемъ. Несомнѣнно, однако, что знакомство и общеніе съ декабристами еще болѣе укрѣпило его въ намѣреніи относительно нашего воспитанія и очень облегчило ему выполненіе этой задачи. Онъ не

замедлилъ ее выполнить и, отправляясь ежегодно по дѣламъ на Нижегородскую ярмарку, въ Москву и Петербургъ, онъ въ 1846 году увезъ съ собою старшаго моего брата и помѣстилъ его въ пансіонъ Эннеса, одинъ изъ лучшихъ иностранныхъ пансіоновъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ; мнѣ же было объявлено, какъ второму сыну, что на слѣдующій годъ очередь будетъ за мной.

Вообще можно сказать, что иркутское купечество проявляло уже тогда большее стремленіе къ образованію, чѣмъ это замѣчалось среди купечества внутренней Россіи,—и этого, мнѣ кажется, была довольно понятная причина. Попадалось и въ Иркутскѣ нѣсколько старинныхъ и богатыхъ купеческихъ домовъ, жившихъ замкнутою и патріархальною жизнью, но ихъ было немного; большинство же состояло изъ недавнихъ выходцевъ изъ той же внутренней Россіи, почти исключительно изъ Вологодской, Вятской и Архангельской губерній, а такъ какъ въ далекую Сибирь пускались все люди способные, предприимчивые, не удовлетворявшіеся рутинными и тѣсными рамками мѣстной торговли и стремившіеся въ Сибирь, какъ въ отдаленную страну, гдѣ ихъ способности и энергія могли найти болѣе обширное поле для примѣненія, то такимъ образомъ естественно образовывался подборъ людей умныхъ и дѣятельныхъ, любившихъ работать мозгами, а не сидѣть, сложа руки. Подвижность ихъ была дѣйствительно изумительная, ибо рѣдкій изъ этихъ иркутянъ не покидалъ каждый годъ свой семьи на 3—4 мѣсяца, отправляясь или на нижегородскую ярмарку, или вдоль по Ленѣ—въ Якутскъ и Охотскъ, а съ конца 1850-хъ годовъ въ районъ этихъ путешествій вошла и Амурская окраина; эти же путешествія сами по себѣ служили отличнымъ развивающимъ средствомъ, такъ какъ знакомили съ новыми мѣстами, сводили съ множествомъ новыхъ людей иныхъ понятій, обычаевъ и взглядовъ, а это не могло не расширить еще больше умственный кругозоръ этихъ живыхъ лю-

дей. Какъ на образецъ такой подвижности могу указать опять-таки на моего отца, который еще за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, а умеръ онъ 56 лѣтъ отъ роду, совершилъ свою 25-ю поѣздку въ Москву, что, считая въ оба конца, впередъ и обратно, по 10,000 верстъ, даетъ почтенный итогъ въ 250,000 верстъ; кромѣ того, онъ нѣсколько разъ съѣздилъ въ Якутскъ, на Амуръ и даже въ годъ своей смерти, уже совсѣмъ расшатанный болѣзью, успѣлъ побывать и въ Петербургѣ и въ Николаевскѣ на Амурѣ, т.-е. на крайнихъ, западномъ и восточномъ, пунктахъ Россійской имперіи, между которыми разстояніе по календарю значитъ въ 9,917 верстъ. Еще если бы эти путешествія совершались съ тѣми удобствами, съ какими они совершаются въ настоящее время, а надо помнить, что примѣненіе пара на русскихъ путяхъ началось лишь въ началѣ 50-хъ годовъ, когда открылась Николаевская желѣзная дорога и появились первые пароходы на Волгѣ и Камѣ; до того же надо было вплоть до Москвы ѣхать на тарантасахъ и на перекладныхъ по такимъ дорогамъ, которыя въ весеннее и осеннее время дѣлались почти непроѣздными. Я не берусь съ точностью высчитать, какую часть своей жизни употребилъ такимъ образомъ мой отецъ на разъѣзды, потому что не знаю навѣрное числа его поѣздокъ въ Якутскъ, на Амуръ, въ Енисейскую тайгу, но едва ли я преувеличу, сказавши, что 7—8 лѣтъ своей жизни онъ провелъ въ пути между двумя станціями; достаточно сказать, что онъ до того обжился въ тарантасѣ и отвыкъ отъ осѣдлыхъ удобствъ, что послѣдніе годы своей жизни, когда ему удавалось прожить нѣсколько мѣсяцевъ покойно дома, онъ уже потерялъ привычку спать въ кровати, а устраивался на ночь въ большомъ креслѣ полу-лежа и надѣвая на себя свой дорожный костюмъ: халатъ на бѣлицемъ мѣху, мягкіе козловые сапоги (ичиги) и даже какую-то мягкую шапку на голову.

И большинство иркутскихъ купцовъ вело подобную

разъѣздную жизнь, такъ, что лѣтомъ городъ замѣтно пустѣлъ, потому что одна часть уѣзжала въ Нижній, другая уплывала по Ленѣ, третья разъѣзжалась по золотымъ приискамъ, и только въ октябрѣ, по возвращеніи мужей, начиналась и въ городѣ и въ семьяхъ полная жизнь. Надо думать, что выработкѣ болѣе самостоятельныхъ и прогрессивныхъ личностей въ иркутскомъ купечествѣ не мало способствовало также то, что въ Сибири, при отсутствіи крѣпостнаго права, вовсе не существовало помѣстнаго дворянства и слѣдовательно не было того общественнаго элемента, который, если и былъ въ русскихъ провинціяхъ нѣсколько культурнѣе остальныхъ, зато немало грѣшилъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ, своею замкнутостью и тѣмъ родовымъ чванствомъ, съ какимъ относился къ такъ называемымъ податнымъ сословіямъ. Въ сибирскихъ городахъ общество состояло изъ чиновниковъ, военныхъ и гражданскихъ, и изъ купцовъ, и эти два сословія, въ силу численной малочисленности общественныхъ силъ, неизбѣжно перемѣшивались между собою чаще, сближались тѣснѣе, и это вело только къ еще большему развитію купцовъ и ихъ общественной равноправности. Безъ сомнѣнія, своимъ панегирикомъ въ честь иркутскихъ купцовъ я нимало не хочу умалить заслугъ декабристовъ и ихъ роли въ дѣлѣ просвѣщенія Сибири, а стараюсь только объяснить, почему ихъ выдающіяся личности тотчасъ же были надлежащимъ образомъ оцѣнены и пріобрѣли въ Иркутскѣ общія симпатіи, а ихъ пропаганда необходимости образованія встрѣтила такую подготовленную почву, что быстро стала приносить плоды. Такъ, одновременно съ моимъ старшимъ братомъ отправленъ былъ изъ Иркутска старшій же сынъ купца В. Н. Баснина, человѣка очень богатаго, умнаго и большаго оригинала, и помѣщенъ также въ пансіонъ Эннеса, а на слѣдующій годъ, когда отправили и меня, отвезенъ былъ туда же и второй сынъ Баснина. А вѣдь

не трудно понять, какъ тяжело доставалось это образование дѣтей нашимъ родителямъ и надо было сильно сознавать его значеніе, чтобы идти на такія жертвы; не говоря уже о матеріальныхъ затратахъ, весьма значительныхъ, вслѣдствіе удаленности Иркутска отъ столицъ, какой нравственной борьбы стоила нашимъ отцамъ и матерямъ рѣшимость отпускать своихъ дѣтей за 5,000 верстъ на руки совершенно чужихъ и постороннихъ людей, совсѣмъ въ другую часть свѣта, откуда всякое письмо шло въ одинъ конецъ никакъ не меньше мѣсяца, а въ весеннія и осеннія распутицы срокъ этотъ удлиннялся чуть что не вдвое, телеграфа же тогда не было еще и въ поминѣ. Для дѣтей тоже эта разлука съ домашнимъ кровомъ обходилась не безъ большой ломки, но мнѣ кажется, судя по видѣннымъ мною образцамъ, такая ранняя оторванность отъ семьи скорѣе имѣла на нихъ благоприятное, чѣмъ дурное, вліяніе въ смыслѣ выработки нравственныхъ характеровъ. Перенесенные въ совершенно новую обстановку и рано предоставленные самимъ себѣ, дѣти ранѣе обыкновеннаго, въ 12—14-лѣтнемъ возрастѣ, сознавали необходимость строже слѣдить за собою и за своими поступками, обходиться безъ совѣтовъ старшихъ, привыкали распоряжаться своими дѣйствіями самостоятельно и не рассчитывать на баловство и на всепрощающую любовь домашнихъ; все это развивало наши характеры и придавало имъ большую энергію и выдержку. Конечно, бывало иногда и обратное, то-есть что такая преждевременная самостоятельность и такое отсутствіе родительскаго контроля обращались во вредъ и приготавливали деморализованныхъ людей, но такъ какъ во-первыхъ я такихъ примѣровъ знаю сравнительно очень мало, а во-вторыхъ случаи воспитательной порчи среди дѣтей, выросшихъ подъ крыломъ родителей и постоянно на помочахъ, встрѣчались, и, пожалуй, встрѣчаются въ Россіи и до сихъ поръ очень часто, то я склоненъ скорѣе

думать, что система воспитанія сибирскихъ мальчиковъ вдали отъ родныхъ имѣла, по крайней мѣрѣ для своего времени, гораздо больше хорошихъ послѣдствій, чѣмъ дурныхъ.

Промелькнула и послѣдняя зима моего привольнаго и беззаботнаго дѣтства дома. Я все продолжалъ заниматься у А. В. Поджіо, къ которому на смѣну выбывшаго старшаго брата поступилъ теперь мой 3-й братъ. Наступила весна. Недѣли за двѣ до отправленія въ Москву меня уволили отъ всѣхъ занятій и въ теченіе этого времени баловали до отвалу, исполняя всѣ мои желанія и прихоти, вродѣ того, какъ баловали въ тѣ годы сыновей, сдаваемыхъ въ рекруты. Мать старалась не отпускать меня отъ себя, въ голосѣ отца слышались въ обращеніи со мной необычно-ласковыя ноты, братья великодушно уступали мнѣ во всемъ и дарили мнѣ свои любимыя вещи, разныя бабушки и тетушки, а у насъ ихъ было немало, носили меня на рукахъ. Словомъ, я чувствовалъ себя калифомъ на часъ, и мое упоеніе этимъ имяниннымъ настроеніемъ смущалось только частыми слезами бѣдной матери и набѣгавшимъ на меня смутнымъ представленіемъ о предстоящей мнѣ перемѣнѣ въ жизни. Тяжесть разлуки со мной усиливалась для родителей еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этомъ, 1847 году, отецъ никакъ не могъ ѣхать самъ въ Москву, а потому приходилось меня даже на дорогу сдать на попеченіе постороннимъ людямъ, и въ спутники или, какъ говорится въ Сибири, въ попутчики мои до Москвы найдены были интендантскій чиновникъ Галенковскій, ѣхавшій въ отпускъ, и иркутскій мѣщанинъ Стрекаловскій, молодой человѣкъ, отправлявшійся въ Москву для изученія стекляннаго и фаянсоваго производства, и которому отецъ специально поручилъ меня во время путешествія. Наканунѣ назначеннаго къ отъѣзду дня мать позвала меня къ себѣ и уложила мой чемоданъ при мнѣ для того, чтобы я зналъ, гдѣ и что изъ моего бѣлья и

платья лежить, и не перерывалъ по пустому весь чемоданъ, и въ заключеніе дала мнѣ особенную книжечку, въ которой записанъ былъ весь мой гардеробъ, съ наказомъ беречь все и не растеривать, такъ какъ ходить за мной больше ужъ будетъ некому. Потомъ я перешелъ въ кабинетъ къ отцу и онъ мнѣ прочиталъ составленное имъ для меня и написанное на большомъ листѣ бумаги наставленіе, какъ я долженъ вести себя въ дорогѣ и по приѣздѣ въ Москву, наполненное не банальными сентенціями, а съ тѣмъ яснымъ здравымъ смысломъ, который его отличалъ, и тою попечительною любовью, которая старалась предусмотрѣть до мелочей всѣ затрудненія и дотолъ невѣдомыя мнѣ положенія, какія могли мнѣ встрѣтиться на чужбинѣ при дебютахъ въ самостоятельной жизни; эту инструкцію онъ отдалъ мнѣ, приказавъ почаще въ нее заглядывать и совѣтоваться съ нею во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ.

Утро отъѣзда прошло въ большихъ суетахъ; въ послѣдній разъ я пообѣдалъ въ своей семьѣ, и тотчасъ же послѣ обѣда всѣ родные и близкіе размѣстились въ разныхъ экипажахъ и поѣхали провожать меня до Вознесенскаго монастыря, лежащаго въ 4-хъ верстахъ отъ города по московскому тракту и служащаго обычнымъ мѣстомъ послѣдняго разставанья съ ѣдущими въ Россію; впереди, на долгушѣ, ѣхалъ я съ родителями и братьями. Въ монастырѣ былъ отслуженъ по всегдашнему обыкновенію напутственный молебенъ у мощей иркутскаго святителя Иннокентія, потомъ всѣ перешли въ монастырскую гостиницу, напились чаю, и затѣмъ наступилъ послѣдній моментъ прощанія. Отецъ чуть не насильно вырвалъ меня изъ объятій матери и посадилъ въ тарантасъ, по бокамъ моимъ помѣстились товарищи моего путешествія; всѣ обнажили головы, перекрестились и съ словами: „ну, трогай ямщикъ; съ Богомъ!“ застоявшаяся тройка весело двинулась, унося меня въ невѣдомую даль. Въ послѣдній разъ мелькнуло у меня

въ глазахъ поблѣднѣвшее, заплаканное лицо матери и неестественно-веселое лицо отца съ судорожно подергивавшимися губами, и я залился горькими слезами, уткнувшись лицомъ въ свою дорожную подушку; мои спутники не пытались даже меня утѣшать и оставили свободно выплакаться. Этими слезами я оплакивалъ первый періодъ моего дѣтства, веселый, счастливый; впереди меня ждало что то новое, особенное и, главное, совсѣмъ чужое...

Здѣсь я обрываю послѣдовательный разсказъ о моей личной жизни и далѣе коснусь ея лишь настолько, насколько въ нее входятъ позднѣйшія мои воспоминанія о декабристахъ. Чувствую опять-таки, что эти воспоминанія и мелки и скудны и если тѣмъ не менѣе пишу ихъ, то въ надеждѣ, что и они могутъ со временемъ пригодиться какъ достовѣрный матеріалъ.

XIV.

Въ Москвѣ я тотчасъ же поступилъ въ пансіонъ Эннеса, гдѣ уже находился мой старшій братъ, и такъ какъ подготовленъ я былъ хорошо, то и былъ принятъ въ 3-й классъ, а, продолжая учиться старательно, черезъ три года, т.-е. въ 1850 году, когда мнѣ не исполнилось еще 16 лѣтъ, былъ въ состояніи выдержать вступительный экзамень въ московскій университетъ на медицинскій факультетъ. Въ университетѣ мои занятія шли также успѣшно и я надѣялся въ 1855 году кончить курсъ и вернуться на родину, но Крымская война совсѣмъ перепутала мои планы, когда правительство предложило намъ, еще студентамъ 4-го курса, поступить военными врачами до окончанія полного медицинскаго образованія. Во мнѣ началась сильная борьба: съ одной

стороны, всѣми помыслами меня тянуло неудержимо домой въ Иркутскъ, страстно хотѣлось повидать отца и мать, которыхъ я не видалъ 7 лѣтъ, хотѣлось ото-грѣться въ теплѣ родной семьи послѣ многолѣтняго пребыванія среди чужихъ; а съ другой, мое 19-лѣтнее сердце не могло оставаться равнодушнымъ къ героическимъ усиліямъ русской арміи, и я рвался туда—на эти севастопольскія укрѣпленія, гдѣ лилась родная кровь и валялись тысячи раненыхъ, которымъ, въ качествѣ врача, я могъ принести посильную пользу. Узелъ этихъ колебаній я разрубилъ тѣмъ, что рѣшилъ воспользоваться лѣтней вакаціей 1854 года и, сдавши переходные экзамены съ 4-го курса на 5-й, прокатиться въ Иркутскъ, повидаться съ родителями и проститься съ ними, быть можетъ, снова на долгій срокъ, такъ какъ тогда я бы могъ съ болѣе покойной совѣстью и съ удовлетворенными чувствами отправиться по окончаніи курса врачомъ въ дѣйствующую армію.

Тутъ же весьма кстати для меня подошло, что вакаціи въ университетѣ въ этотъ годъ были продолжительнѣе обыкновенныхъ, вслѣдствіе того, что, по случаю войны, вышло распоряженіе, въ виду недостатка военныхъ врачей, ускорить выпускъ казеннокоштныхъ студентовъ 4-го курса, а также и всѣхъ своекоштныхъ, добровольно пожелавшихъ обойтись безъ 5-го курса; такихъ добровольцевъ нашлось немало и только 50 человекъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, хотѣли во что бы то ни стало отслушать 5-й курсъ; тѣмъ не менѣе и насъ пристегнули къ товарищамъ и заставили сдать переходные экзамены къ началу мая; такимъ образомъ, мой вакаціи должны были продлиться около четырехъ мѣсяцевъ. Однако, мое намѣреніе воспользоваться этимъ длиннымъ отдыхомъ, чтобы съѣздить въ Иркутскъ, т. е. отмахать 10,000 верстъ, считая туда и обратно, и при томъ въ раннее весеннее время, когда не установилась лѣтняя дорога и не сбыли весенніе разливы рѣкъ, имѣю-

шіе мѣсто обыкновенно въ маѣ, не могло не казаться очень опрометчивымъ и безразсуднымъ, а потому, когда я сообщилъ мое намѣреніе пріятелю моего отца, купцу П. И. Куманину, у котораго я проживалъ все время моего пребыванія въ Москвѣ, то этотъ весьма умный и почтенный человѣкъ, очень любившій меня, устоялся на меня своими глазами, выразившими недоумѣніе, въ здоровомъ ли я умѣ и не черезчуръ ли перезубрилъ во время экзаменовъ. Но я такъ горячо и въ то же время убѣдительно развилъ мои мотивы, что старикъ тутъ же обнялъ меня, сказавши: „Ну, что же? въ добрый часъ, валяй, другъ любезный, а если твой отецъ осерчаетъ на тебя за твою поѣздку и найдетъ ее сумасшедшей, то ему ты такъ-таки и скажи, что, значить, и я на старости лѣтъ сошелъ съ ума, потому что я планъ твой одобрилъ и благословилъ тебя на дорогу“ — Я успѣлъ подышать себѣ и двухъ попутчиковъ, ѣхавшихъ до Тюмени и, сдавъ 3-го мая послѣдній экзаменъ, на слѣдующій же день выѣхалъ изъ Москвы въ родные края.

Не буду обременять мой разсказъ подробностями своего путешествія; скажу только, что оно было сопряжено съ большими препятствіями по причинѣ весенней распутицы и громадныхъ разливовъ Волги и особенно рѣкъ Западной Сибири: Тобола, Иртыша, Оби, и др. Особенно памятенъ остался у меня перевозъ въ 60 верстахъ по ту сторону Тюмени, гдѣ слившіяся вмѣстѣ рѣки Тоболъ и Исеть затопили огромное пространство и образовали цѣлое море, среди котораго водораздѣлъ двухъ рѣкъ обозначался лишь верхушками затопленныхъ деревьевъ. Бывалый человѣкъ, отысканный мною въ Тюмени въ качествѣ попутчика до Иркутска, предупредилъ меня, что, чтобы перебраться черезъ эту необозримую пучину, намъ необходимо выѣхать изъ Тюмени къ ночи, къ восходу солнца быть на перевозѣ, немедленно захватить карбазъ и только тогда мы могли бы къ концу дня добраться до противоположнаго берега.

Мы такъ и исполнили все по этой программѣ, весьма удачно заняли карбазъ и поплыли, какъ вдругъ, послѣ 2-хъ часоваго плаванія, поднялся сильный вѣтеръ и развелъ большія волны по импровизированному морю и вынудилъ перевозчиковъ вернуться назадъ; намъ предстояла впереди—отчаянная перспектива сидѣть на берегу неопредѣленное время, такъ какъ поджидалась почта, которая и должна угнать нашъ единственный карбазъ; изъ этого плачевнаго положенія мы вышли тѣмъ, что, по совѣту мужиковъ, отправились въ объѣздъ по Курганскому тракту, сдѣлали около 150 верстъ крюку, имѣли вмѣсто одного огромнаго перевоза—семь небольшихъ, но, несмотря на это, на слѣдующее утро добрались до противоположнаго берега этого наводненнаго пространства.

Вслѣдствіе этихъ помѣхъ, какъ я ни спѣшилъ и ни рвался впередъ, я могъ добраться до Иркутска только 11-го іюня, употребивъ на переѣздъ чуть не 40 дней. Дома я засталъ только братьевъ: отецъ съ матерью проводили лѣто въ 80 верстахъ отъ города, на озерѣ Байкалѣ, на берегу котораго, по притоку Сѣннушки, отецъ нашелъ золото и въ этотъ годъ самъ руководилъ работами для добычи его. Переночевавши одну ночь въ Иркутскѣ и сходявши въ баню, чтобы смыть съ себя толстый слой дорожной грязи, я на завтра же пустился далѣе въ путь на Байкалъ; мое московское письмо, извѣщавшее о моемъ пріѣздѣ, успѣло предупредить родителей 2—3 днями раньше, такъ что они меня ужъ поджидали и вышли встрѣтить на берегъ Байкала, когда лодка моя причалила. Радость нашего свиданія была самая безумная; отецъ не только не разсердился на меня за опрометчивость, а напротивъ, и теперь я, будучи самъ старикомъ и вспоминая эту сцену, кажется, слышу въ своихъ ушахъ тотъ дикій и восторженный крикъ отца, который вырвался изъ его груди, когда онъ душилъ меня въ объятіяхъ; о матери я ужъ и не говорю,

она и смѣялась и плакала тѣми слезами, которыя служатъ проявленіемъ высшаго счастья на землѣ.

XV.

Я долго бы не кончилъ, если бы далъ волю своимъ лирическимъ воспоминаніямъ и принялся бы подробно описывать, какъ я проблаженствовалъ и расцвѣлъ душевно, проживя этотъ мѣсяцъ, послѣ 7-милѣтней разлуки, въ кругу дорогихъ своихъ родныхъ и притомъ въ самый лучшій періодъ роскошнаго сибирскаго лѣта на берегу грандіознаго Байкала. Для моихъ родныхъ, а особенно для меня, этотъ мѣсяцъ промелькнулъ такъ быстро, что мы и не замѣтили, какъ подошло время моихъ обратныхъ сборовъ въ Москву. Дней за десять до предположеннаго отъѣзда отецъ, мать и я перебрались съ присковъ въ Иркутскъ. Это короткое мое пребываніе въ городѣ посвящено было мной между прочимъ и посѣщенію тѣхъ лицъ, которыя знали меня ребенкомъ и къ которымъ я являлся теперь студентомъ-юношей; въ числѣ этихъ лицъ декабристы занимали первое мѣсто.

За мое отсутствіе кружокъ ихъ нѣсколько порѣдѣлъ, вслѣдствіе смерти А. З. Муравьева, О. В. Поджіо и П. А. Муханова († 12-го февраля 1854 года), а въ положеніи живыхъ произошла замѣтная перемѣна. Они еще болѣе упрочились въ городѣ и пользовались еще болѣе теплыми симпатіями отъ всѣхъ, что было естественнымъ послѣдствіемъ продолжительнаго вліянія ихъ на общество своимъ образованіемъ и личными достоинствами. Много также ихъ улучшенному положенію содѣйствовало и то, что тогдашній восточно-сибирскій генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи графъ Амурскій), человѣкъ далеко недюжинный по уму и по адми-

нистративнымъ взглядамъ, тотчасъ же оцѣнилъ этихъ рѣдкихъ людей, сталъ искать ихъ дружбы и они вскорѣ сдѣлались частыми и почетными гостями въ его домѣ; притомъ жена Муравьева была француженка, уроженка По, не говорившая по-русски, и для нея декабристы и ихъ жены представляли въ глухой Сибири какъ бы счастливый оазисъ, гдѣ она могла найти и языкъ, и нравы, и вкусы, напоминавшіе ей далекую родину. Волконскіе и Трубецкіе имѣли теперь въ городѣ собственные дома и жили еще болѣе свободно и открыто, такъ какъ Муравьевъ не стѣснялся, какъ его предшественникъ, бывать у нихъ часто, а за начальствомъ смѣло тянулось и все общество. Между тѣмъ и дѣти декабристовъ уже выросли и были пристроены: Мишель кончилъ курсъ въ иркутской гимназіи и Муравьевъ тотчасъ же принялъ его къ себѣ въ чиновники особыхъ порученій, а Нелли, лишь только ей исполнилось 16 лѣтъ, вышла замужъ за одного изъ наиболѣе приближенныхъ къ Муравьеву чиновниковъ—Молчанова, котораго вскорѣ разбилъ параличъ, затѣмъ онъ лишился разсудка и умеръ въ Москвѣ, оставивши молоденькую вдову съ малолѣтнимъ сыномъ. У Трубецкихъ двѣ старшія дочери были тоже замужемъ: старшая — за кяхтинскимъ градоначальникомъ Ребиндеромъ, вторая — за сыномъ декабриста же Давыдова, а меньшая, помнится, тогда была уже помолвлена за генералъ-губернаторскаго чиновника Свербеева.

Въ судьбѣ А. В. Поджіо также произошла капитальная перемѣна: въ 1851 или 1852 году онъ женился на классной дамѣ иркутскаго дѣвичьяго института Ларисѣ Андреевнѣ Смирновой, дѣвушкѣ лѣтъ 26-ти, урожденной москвичкѣ и безъ всякаго состоянія, но чрезвычайно доброй, и эта доброта и большой здравый смыслъ сглаживали разницу, которая была замѣтна въ образованіи, вкусахъ и самыхъ натурахъ обоихъ супруговъ и сдѣлала бракъ этотъ счастливымъ. Въ этотъ мой пріѣздъ въ Иркутскъ я его нашелъ уже отцомъ грудной дочери—

Вари, на которой и сосредоточилъ А. В. всю страсть своей любящей натуры. Средства, получаемыя имъ изъ Россіи, были невелики, чтобы содержать семью, а потому А. В. долженъ былъ отыскивать новые источники доходовъ для удовлетворенія самыхъ скромныхъ потребностей своей жизни. Онъ, между прочимъ, арендовалъ у иркутскаго приказа общественнаго прирѣнія принадлежавшее ему угодье, извѣстное подъ названіемъ „Рупертовской заимки“. Это былъ небольшой участокъ земли, верстахъ въ 2-хъ отъ города, съ пашнею, покосомъ и огородомъ, а главное съ небольшимъ жилымъ домомъ, въ одной половинѣ котораго жилъ самъ Поджіо съ семьей, а другую сдавалъ на лѣто въ видѣ дачнаго жилья кому-нибудь изъ иркутскихъ знакомыхъ. Но аренда эта давала только небольшое подспорье для жизни и едва ли вся выгода ея не заключалась въ томъ, что ею окупалась квартира; уроковъ тоже было мало—и А. В. поддавался всеобщему туземному увлеченію—попробовать свое счастье въ золотопромышленности; для этого онъ рѣшилъ даже затратить свой небольшой капиталецъ, хранившійся на рукахъ у старшаго племянника, сына О. В., въ Россіи. Мое короткое пребываніе въ Иркутскѣ совпало какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда онъ былъ увлеченъ рѣчкой Элихтой, верстахъ въ трехстахъ отъ Иркутска, и самолично производилъ на ней изысканія, такъ-что я его едва успѣлъ повидать, когда онъ пріѣзжалъ ненадолго для свиданія съ семьей, и тотчасъ же вернулся опять къ своей развѣдочной партіи. Нечего и говорить о томъ, что онъ встрѣтилъ меня горячо и нѣжно, какъ родной, повелъ тотчасъ же знакомить съ своей молодой женой, еще кормившей тогда маленькую Варю, и съ самымъ искреннимъ участіемъ разспрашивалъ о моихъ занятіяхъ и дальнѣйшихъ планахъ. Съ годами его итальянская пылкость нисколько не улеглась, а нашла теперь новую пищу въ своей маленькой семьѣ, за которой онъ ухаживалъ съ самой трогательной заботли-

востью; эта-то заботливость и заставила его удариться въ золотопромышленность для того, чтобы обезпечить будущность жены и дочери, потому что самъ онъ по личнымъ свойствамъ былъ человѣкомъ безъ всякихъ любостыжательныхъ наклонностей и привыкъ довольствоваться только самымъ необходимымъ. Но, привыкши ко всякому дѣлу относиться горячо, онъ и теперь засыпалъ меня подробностями о золотonosныхъ прелестяхъ своей Элихты и прежде столь чуждыми его языку разсказами о „породахъ“, „шурфахъ“, „шлихахъ“ и тому подобными выраженіями, смыслъ которыхъ для меня былъ бы всѣмъ непонятенъ, если бы я не прожилъ передъ этимъ мѣсяцъ у отца на приискѣ и не успѣлъ войти въ курсъ этихъ работъ и усвоить весь этотъ своеобразный приисковый жаргонъ. На прощанье, обнимая меня, онъ сказалъ со своимъ всегдашнимъ добродушнымъ юморомъ: „Эхъ, братецъ, ну что вы тамъ возитесь со своей ученой медициной, мертвыхъ все-таки не воскресите; кончайте тамъ съ ней поскорѣе, да спѣшите сюда, здѣсь мы съ вашимъ отцомъ покажемъ вамъ, какъ загребають золото лопатами“.

Не менѣе радужная встрѣча ожидала меня и у П. И. Борисова, продолжавшаго жить всей въ той же Малой Разводной, но только въ другомъ домикѣ, нарочно построенномъ для братьевъ Борисовыхъ А. З. Муравьевымъ среди большаго, пустыннаго двора. Но если у Поджіо все кипѣло новой жизнью и самъ онъ преобразился, даже помолодѣлъ и чувствовалъ себя блаженнѣйшимъ человѣкомъ въ заботахъ о семьѣ, то здѣсь, наоборотъ, во всѣхъ мелочахъ чувствовалось, какъ отчужденность отъ міра и людей и старая холостая затхлость все болѣе и болѣе суживала рамки существованія и затирала въ нихъ жизнь этого удивительно кроткаго и чрезвычайно любящаго человѣка. Изъ записокъ М. А. Бестужева (*Русская Старина*, 1881, ноябрь) я узналъ только, что и у П. И. Борисова нѣкогда былъ свой романъ и онъ

надѣялся обзавестись собственной семьей, заручившись согласіемъ на бракъ молоденькой и хорошенькой вдовушки Ильинской, мужъ которой былъ все время до своей смерти казематнымъ врачомъ при декабристахъ и въ Читѣ, и въ Петровскомъ заводѣ, но родные невѣсты напугали ее до того совмѣстнымъ сожителемъ съ сѣумасшедшимъ братомъ Борисова, что она потомъ взяла свое обѣщаніе назадъ. Теперь онъ окончательно погребъ себя заживо въ малоразводинскомъ домикѣ, изъ оконъ котораго только и былъ виденъ мертвый дворъ, поросшій крапивою, лебедой и лопухомъ, и гдѣ онъ доживалъ свои дни вмѣстѣ со своимъ помѣшаннымъ братомъ Андреемъ и старымъ котомъ «Гарушинымъ», къ которому былъ привязанъ какъ къ давнему члену семьи; другой компаніи у него почти не было, потому что всѣ его товарищи, жившіе въ Разводной, померли, а декабристы, переселившіеся въ Иркутскъ, были заняты каждый своимъ дѣломъ и могли только изрѣдка навѣщать его. Петръ Ивановичъ старался наполнить свой день чтеніемъ и живописью и, казалось, совсѣмъ помирился съ такимъ могильнымъ одиночествомъ, только взгляды его большихъ, глубокихъ и задумчивыхъ глазъ и все грустное выраженіе маленькаго, изрѣзаннаго преждевременными морщинами, лица показывали и безъ словъ, что не легко ему живется на свѣтѣ. О себѣ онъ, по обыкновенію, ничего не говорилъ, а все время спрашивалъ меня до мельчайшихъ подробностей о моемъ московскомъ житѣ, о занятіяхъ, объ университетѣ, — и вотъ теперь, когда я пишу эти строки, какъ упрекаю я себя за юношескій эгоизмъ, позволившій мнѣ увлечься этими разпросами и сдѣлавшій то, что все это мое послѣднее свиданіе съ Борисовымъ я только и говорилъ, что о себѣ, и не попробовалъ своимъ участіемъ дать ему высказаться искренно о его собственномъ внутреннемъ мірѣ и тѣмъ хоть сколько-нибудь согрѣть его убійственное одиночество; но вѣдь мнѣ тогда было только

19 лѣтъ и едва ли онъ сталъ бы разоблачаться откровенно передъ такимъ незрѣлымъ юношей. Къ счастью, судьба вскорѣ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ моего посѣщенія, положила быстрый и трагическій конецъ тяжелому существованію обоихъ братьевъ; въ воспоминаніяхъ декабриста Бѣляева (*Русская Старина*, 1881 г., апрѣль) рассказывается, что больной братъ поджегъ свой домъ въ Разводной и оба брата сгорѣли; до меня же дошелъ рассказъ объ ихъ смерти въ такомъ видѣ: женщина, приходившая каждый день прибирать комнаты и готовить обѣдъ братьямъ, однажды не могла достучаться у дверей и слышала только жалобное мяуканье голоднаго кота и, предвидя что-то недоброе, дала знать сельскимъ властямъ; староста распорядился выломать дверь и тогда нашли Петра Ивановича мертвымъ, въ кровати, и въ той же комнатѣ, подлѣ этой кровати, висѣлъ въ петлѣ, тоже уже безжизненный, его несчастный братъ. Петръ Ивановичъ умеръ ночью отъ разрыва аневризмы, и невозможно было опредѣлить, пришелъ ли старшій братъ ночью, услыхавъ стоны умиравшаго, или же только утромъ, чтобы узнать, почему П. И. не встаетъ, и, увидавъ его мертвымъ, понялъ, что онъ безъ брата и его ухода совсѣмъ погибшій человѣкъ и рѣшилъ тутъ же покончить съ собой. Да и дѣйствительно, какъ могъ бы далѣе существовать этотъ одичалый и полупомѣшанный человѣкъ, какъ чумы избѣгавшій людей, потерявъ единственное живое существо, связывавшее его съ міромъ и такъ самоотверженно нянчившееся съ нимъ въ теченіе почти всѣхъ 30-ти лѣтъ.

При краткости времени, остававшагося у меня до отъѣзда, я точно также только по разу могъ заѣхать къ Трубецкому и Волконскимъ. Въ домѣ Трубецкихъ я нашелъ всѣхъ въ какомъ-то угнетенномъ настроеніи: княгиня давно похварывала, давно уже не выѣзжала и приняла меня лежа на кушеткѣ; князь замѣтно былъ озабоченъ ея положеніемъ и казался еще угрюмѣе и со-

средоточеннѣе чѣмъ всегда. Все это побудило меня сократить мой визитъ елико возможно; кромѣ хозяевъ и меня въ гостиной находилось еще лицо, которое я видѣлъ въ первый разъ: это былъ худенькій старичекъ, сидѣвшій въ креслѣ у окна, съ вытянутой и закутанной пледомъ ногой и по временамъ судорожно вздрагивающій отъ боли; оказалось, то былъ декабристъ И. Д. Якушкинъ, пріѣхавшій тогда изъ Западной Сибири, чтобы повидаться съ своими товарищами по каторгѣ. На меня онъ сдѣлалъ впечатлѣніе желчнаго и брюзжащаго старичка только отъ того, что какъ разъ въ этотъ день онъ страдалъ припадкомъ подагры и вмѣшивался въ общій разговоръ съ явнымъ раздраженіемъ; лишь въ послѣдствіи я узналъ отъ его товарищей, какой въ сущности это былъ добрый и превосходный человѣкъ. Между прочимъ, у меня осталось въ памяти, что разговоръ зашелъ о тогдашнихъ университетскихъ порядкахъ и я жаловался на непомѣрныя строгости, съ какими преслѣдовало начальство насъ, студентовъ, за всякое нарушеніе формы. Якушкинъ замѣтилъ, что все это та же столь памятная въ ихъ молодости аракчеевщина и по поводу ея вспомнилъ и тутъ же разсказалъ случай съ ихъ товарищемъ-декабристомъ Лунинымъ, отличавшимся, какъ извѣстно, всегда необузданностью своихъ протестовъ противъ такихъ распоряженій. Лунинъ былъ гвардейскимъ офицеромъ и стоялъ лѣтомъ съ своимъ полкомъ около Петергофа; лѣто было жаркое, и офицеры и солдаты въ свободное время съ великимъ наслажденіемъ освѣжались купаньемъ въ заливѣ; начальствовавшій генераль-нѣмецъ неожиданно приказомъ запретилъ подъ строгимъ наказаніемъ купаться впредь на томъ основаніи, что купанья эти происходятъ вблизи проѣзжей дороги, и тѣмъ оскорбляютъ приличіе; тогда Лунинъ, зная, когда генераль будетъ проѣзжать по дорогѣ, за нѣсколько минутъ передъ этимъ залѣзъ въ воду въ полной формѣ, въ киверѣ, мундирѣ и ботфортахъ, такъ что генераль еще

издали могъ увидать странное зрѣлище барахтающагося въ водѣ офицера, а когда поровнялся, Лунинъ быстро вскочилъ на ноги, тутъ же въ водѣ вытянулся и почтительно отдалъ ему честь. Озадаченный генералъ подозвалъ офицера къ себѣ, узналъ въ немъ Лунина, любимца великихъ князей и одного изъ блестящихъ гвардейцевъ, и съ удивленіемъ спросилъ: „что вы это тутъ дѣлаете?“— „Купаюсь,—отвѣтилъ Лунинъ, — а чтобы не нарушить предписаніе вашего превосходительства, стараюсь дѣлать это въ самой приличной формѣ“. Конца разсказа не помню, даже можетъ быть Якушкинъ его и не досказалъ, но и въ приведенномъ видѣ анекдотъ этотъ достаточно характеристиченъ для Лунина, котораго безпокойный духъ не могла уговорить и ссылка въ Сибирь; за свои протесты онъ былъ отдѣленъ отъ товарищей и отправленъ съ жандармами въ Акатуевскій заводъ, гдѣ черезъ непродолжительное время и умеръ въ совершенномъ одиночествѣ. По возвращеніи моемъ черезъ годъ въ Иркутскъ, я уже не засталъ княгини Трубецкой въ живыхъ, она умерла послѣ продолжительныхъ страданій отъ внутренняго рака, оставивъ самую теплую память по себѣ не только въ семьѣ, но и среди всѣхъ, имѣвшихъ случай знать эту умную и необыкновенно кроткую женщину.

Волконскіе жили въ новомъ выстроенномъ ими домѣ у Успенской церкви, красивомъ снаружи, хотя и деревянномъ, и богато убранномъ внутри. Старика Волконскаго я не засталъ въ городѣ; онъ, какъ ревностный агрономъ, по случаю наступавшаго страднаго времени уѣхалъ наблюдать за работами въ д. Урикъ; сына Мишеля тоже не было, онъ по званію генералъ-губернаторскаго чиновника особыхъ порученій находился гдѣ-то въ командировкѣ; такъ что я нашелъ дома только княгиню, конечно, немного постарѣвшую и дочь, обратившуюся изъ 12-лѣтней дѣвочки въ изящную, стройную и красивую женщину. Какъ разъ въ это время у

нихъ гостила вдова министра двора императора Николая, свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго, и приходившаяся родной сестрой декабристу Серг. Григ. Волконскому; она очень любила брата и, когда со смертью мужа съ нею спали оковы и стѣсненія придворной жизни, то ничто ее не могло удержать отъ поѣздки въ Иркутскъ на свиданіе съ братомъ послѣ 30-лѣтней разлуки, ни неудовольствіе императора, ни трудность пути, и она пустилась въ далекое путешествіе. Она пожелала меня видѣть и вышла также въ гостиную; это была очень оригинальная старушка, весьма живая и подвижная и, несмотря на свои чуть ли не 70 лѣтъ, она, добравшись до Иркутска, и здѣсь не оставалась спокойно на мѣстѣ, а разъѣзжала безпрестанно, успѣла побывать и за Байкаломъ и съ замѣчательною любознательностью интересовалась всѣми особенностями края. Въ обществѣ рассказывалось, что княгиня Волконская уговорила мужа, по случаю предстоявшаго пріѣзда сестры, занять одну изъ лучшихъ комнатъ нижняго этажа и отдѣлать ее поприличію; онъ добродушно подчинился этому желанію, но не замедлилъ въ этотъ богато убранный кабинетъ натаскать кося, подковъ и тому подобныхъ принадлежностей сельскаго своего хозяйства и придать ему, къ большому огорченію домашнихъ, характеръ, никакъ не соотвѣтствовавшій роскоши помѣщенія.

XVI.

Въ концѣ іюля я разстался съ родными и Иркутскомъ, предполагая, что покидаю ихъ снова на много лѣтъ, но судьба устроила иначе. Послѣдній мой годъ въ университетѣ прошелъ въ усиленныхъ занятіяхъ чрезвычайно быстро, ознаменовавшись двумя событіями—

торжественно отпразднованной годовщиной столѣтія московскаго университета въ январѣ и смертью императора Николая въ февралѣ. Чтобы не отвлекаться отъ прямой моей задачи—о декабристахъ, я воздержусь отъ личныхъ моихъ воспоминаній объ этихъ двухъ событіяхъ и о томъ, какъ они отозвались на нашихъ студенческихъ кружкахъ и въ тогдашнемъ обществѣ, въ которомъ я вращался. По случаю продолжавшейся войны нашему выпускному курсу предписано было сдать экзамены въ мартѣ, и я въ четвергъ на Страстной недѣлѣ кончилъ мое послѣднее испытаніе изъ оперативной хирургіи у профессора Иноземцева и вскорѣ имѣлъ въ рукахъ дипломъ на званіе лѣкаря съ отличіемъ.

Желаніе ѣхать на войну и помогать раненымъ во мнѣ нисколько не поколебалось, но подъ вліяніемъ геройскихъ страданій Севастополя сосредоточилось цѣликомъ на мысли попасть непременно въ этотъ городъ, гдѣ кипѣла горячая и самоотверженная работа врачей. Пироговъ уже дѣйствовалъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ съ отрядомъ, снаряженнымъ великой княгиней Еленой Павловной изъ десяти врачей, привезенныхъ имъ съ собой изъ Петербурга, а какъ разъ въ началѣ мая было объявлено въ Правленіи университета, что онъ вербуетъ новый отрядъ врачей, который вскорѣ предполагается великою княгинею послать туда же; и желающимъ вступить въ эту вторую экспедицію предлагалось немедленно записаться. Я съ радостью ухватился за этотъ такъ кстати подоспѣвшій вызовъ, потому что, кромѣ завиднаго преимущества поработать подъ руководствомъ великаго Пирогова, онъ не связывалъ меня необходимостью поступать въ военное вѣдомство и тѣмъ давалъ возможность по окончаніи войны тотчасъ же возвратиться въ Иркутскъ въ свою семью, гдѣ теплая и нѣжная заботливость отца и матери и вся жизнь въ родномъ кругу пріобрѣли для меня новую прелесть съ тѣхъ поръ, какъ я побывалъ тамъ временнымъ гостемъ. Я и еще двое

изъ моихъ товарищей немедленно заявили наше желаніе ректору Альфонскому, онъ послалъ насъ къ попечителю; генералъ Назимовъ принялъ насъ очень любезно, расхвалилъ за намѣреніе и, записавъ наши фамиліи и адреса, сказалъ, что на-дняхъ сообщить о насъ въ Петербургъ и чтобы мы были наготовѣ къ выѣзду, ибо насъ могутъ потребовать внезапно. Но на этомъ дѣло и стало; наступило лѣто, прошли май и іюнь, а насъ все не вызывали; мы тяготились и своимъ бездѣльемъ и тѣмъ, что проживали наши скудные ресурсы (я еще въ этомъ отношеніи находился въ сравнительно лучшихъ условіяхъ), всѣ наши однокурсники мало-по-малу пристроились къ работѣ и разъѣхались изъ душной Москвы, а мы все не предвидѣли конца нашимъ ожиданіямъ. Наѹонецъ, нужда заставила обоихъ моихъ товарищей отказаться отъ севастопольскаго плана и искать средствъ къ существованію въ провинціи; я остался одинъ и сталъ скучать еще больше; въ началѣ іюля я въ послѣдній разъ сходилъ за справкою къ попечителю и, узнавъ отъ него, что нѣтъ ни слуху, ни духу о второмъ Пироговскомъ отрядѣ, отказался также ждать долѣе и уѣхалъ въ Иркутскъ къ большой радости моихъ родителей.

Въ кругу декабристовъ не произошло ничего новаго, кромѣ убыли вышеозначенныхъ членовъ, братьевъ Борисовыхъ и княгини Трубецкой, но уже сама по себѣ смерть императора Николая I-го значительно измѣнила ихъ положеніе къ лучшему и заставляла надѣяться на близкую перемѣну въ ихъ участи. Домъ Волконскихъ не только оставался главнымъ центромъ общественной жизни, но замѣтно пріобрѣлъ еще большее вліяніе; всѣ высшіе чины усердно посѣщали его, съ одной стороны поощряемые дружбой съ Волконскими главнаго начальника края Муравьева, а съ другой, зная, что Волконскіе, при своихъ большихъ связяхъ въ Петербургѣ, могутъ помочь и дальнѣйшей карьерѣ и открыть доступъ

въ столичныя гостиныя. Домъ Трубецкихъ, напротивъ, со смертію княгини, стоялъ какъ мертвый; старикъ Трубецкой продолжалъ горевать о своей потерѣ и почти нигдѣ не показывался; дочери его всѣ вышли замужъ, сынъ же находился пока въ возрастѣ подростка. Мой старый учитель А. В. Поджіо весь поглощенъ былъ своей маленькой дочкой Варей, которую любилъ до безумія и съ которой готовъ былъ бы нянчиться съ утра до вечера, если бы не хлопоты и наблюденіе за золотымъ приискомъ на р. Элихтѣ, требовавшія его частыхъ отлучекъ изъ города. А золото все не давалось ему какъ кладъ и, какъ это большею частью случается, недѣлями промывалось въ достаточномъ количествѣ, а недѣлями розсыпь скрывалась куда-то подъ землю и промывка шла самая скудная, далеко не окупавшая затратъ, такъ что Поджіо постоянно переходилъ отъ надежды на обогащеніе къ отчаянію, что приискъ раззорить его окончательно и лишить его и семью послѣднихъ средствъ къ существованію. Во время своихъ пріѣздовъ въ городъ онъ очень часто забѣгалъ къ намъ, чтобы подѣлиться съ отцомъ своими сомнѣніями или посовѣтоваться о той или другой мѣрѣ въ своемъ золотопромышленномъ хозяйствѣ. Живой, необыкновенно отзывчивый на все и искренно сердечный, онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ въ нашемъ домѣ, гдѣ всѣ отъ мала до велика его любили какъ родного,—и даже бабушка, жившая у насъ, ветхая и совсѣмъ сгорбленная старушка лѣтъ 85, съ большимъ трудомъ выползала изъ своей комнаты, чтобы повидать А. В.—ча и пожаловаться ему на свои старческіе недуги. „Хоть поскучусь Ал. В.—чу, все какъ будто легче станетъ“, говорила она. Съ генералъ-губернаторомъ, гр. Муравьевымъ, Поджіо сдружился очень коротко, хотя, несмотря на всѣ настоянія Муравьева, никогда не показывался на его официальныхъ пріемахъ и балахъ, но въ тѣсномъ кружкѣ своихъ семействъ они бывали другъ у друга безпрестанно, а лѣтомъ, когда

Муравьевъ уѣзжалъ изъ Иркутска обыкновенно на Амуръ, жена его переѣзжала какъ бы на дачу въ небольшой домикъ Поджіо и ютилась тамъ въ одной комнаткѣ.

Въ этотъ періодъ я рѣдко бывалъ у декабристовъ, потому что, съ одной стороны, чуждался посѣщать такіе дома, въ которыхъ собиралось зачастую высшее провинціальное общество, а съ другой стороны и потому, что мнѣ было некогда, ибо, по приѣздѣ въ Иркутскъ, мнѣ немедленно поручено было исправлять одновременно три должности: иркутскаго городского, окружнаго и ветеринарнаго врачей, и у меня, при безпрестанныхъ командировкахъ въ громадный по размѣрамъ округъ (тогда Верхолѣнскій и Балаганскій округа составляли еще нераздѣльные части Иркутскаго), едва хватало времени, чтобы управиться съ работой.

А время было крайне живое, и иркутское общество, несмотря на громадное пространство, отдѣлявшее его отъ Россіи, съ лихорадочнымъ интересомъ слѣдило за крупными событіями, совершавшимися тамъ: за паденіемъ Севастополя, окончаніемъ войны и заключеніемъ парижскаго мира. Много было обиды для національнаго самолюбія во всѣхъ этихъ фактахъ, но это тяжелое чувство значительно умѣрялось явными признаками поворота къ лучшему въ русской жизни, — признаками, съ которыми знакомила насъ каждая почта, приходившая изъ Россіи. Наступилъ и день коронаціи Александра II въ Москвѣ, т. е. 26-е августа 1856 года, а вмѣстѣ съ нимъ и объявленіе милостиваго манифеста, всегда столь жадно ожидаемаго въ Сибири нѣсколькими тысячами лицъ, попавшими въ нее не по своей доброй волѣ. Дождались наконецъ и декабристы конца своей Золотой ссылки. Они угадывали заранѣе, что послѣ смерти императора Николая имъ позволено будетъ вернуться въ Россію, а благодушный характеръ новаго императора и высказываемыя имъ сужденія объ участи дека-

бристовъ вскорѣ сдѣлали то, что догадки эти перешли въ увѣренность, въ подтвержденіе чего могу привести слѣдующее доказательство. Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Москвы въ іюлѣ 1855 г. меня пригласила къ себѣ Е. С. Молчанова, дочь Волконскихъ; она около этого времени привезла изъ Иркутска своего разбитаго параличемъ мужа и поселилась въ Москвѣ для его лѣченія. Узнавъ о томъ, что я собираюсь ѣхать въ Иркутскъ, она предложила мнѣ совершить этотъ переѣздъ въ отличномъ дормезѣ, устроенномъ со всѣми удобствами и предназначавшемся для возвращенія ея матери въ Россію послѣ амнистіи.

XVII.

Вѣстникомъ радостной для декабристовъ вѣсти объ ихъ освобожденіи изъ 30-тилѣтней ссылки былъ сынъ Волконскихъ Мишель, находившійся въ день коронаціи въ Москвѣ, и его то генералъ Муравьевъ, съ свойственной ему сердечной чуткостью, выбралъ курьеромъ, для доставленія въ Иркутскъ милостиваго манифеста и дабы онъ первый могъ сообщить своимъ родителямъ и ихъ товарищамъ конецъ ихъ сибирскихъ испытаній и позднюю зарю ихъ новой жизни. Вечеромъ того самаго дня, какъ обнародованъ былъ манифестъ, молодой Волконскій пустился въ путь, стремглавъ промчался по осенней распутицѣ въ 17 дней огромное пространство, отдѣляющее Москву отъ Иркутска, и привезъ старикамъ столь давно жданную вѣсть объ ихъ освобожденіи. Но въ Иркутскѣ и въ Восточной Сибири только весьма немногимъ счастливымъ довелось дожить до конца ссылки; кости большинства изъ нихъ давно уже покоились на скромныхъ погостахъ сибирскихъ селъ и деревень. Ста-

рики Волконскіе и Трубецкой съ сыномъ тотчасъ же воспользовались правомъ возвращенія и, едва дождавшись зимняго пути, покинули Иркутскъ. Поджіо же не хотѣлъ разставаться первое время съ Сибирью; онъ все надѣялся, что его пріисковое дѣло оправдаетъ себя и дастъ ему возможность обезпечить семью, но чѣмъ дальше, тѣмъ надежды эти все болѣе слабѣли и кончилось тѣмъ, что пріискъ не только не обогатилъ его, а напротивъ поглотилъ и тотъ скромный капиталецъ, которымъ онъ владѣлъ; словомъ, повторилась исторія, столь зачастую случающаяся въ Сибири. Будущность не могла не представляться старику въ мрачныхъ краскахъ; ему уже перешло за бо лѣтъ, и онъ ясно понималъ, что въ Иркутскѣ уроками нельзя добыть порядочнаго куска хлѣба, а тѣмъ менѣе обезпечить жену и ребенка на случай своей смерти. Въ это время онъ получилъ отъ старшаго своего племянника А. О. Поджіо, сына декабриста Осипа Викторовича, предложеніе переѣхать къ нему въ петербургское имѣніе, гдѣ ему предоставлялись и спокойное доживанье своего вѣка и матеріальное довольство для семьи. Племянникъ писалъ, что это не есть благодѣяніе съ его стороны, а прямой долгъ, такъ какъ онъ считаетъ, что еще не совсѣмъ расквитался въ той долѣ имущества, которая ему досталась вслѣдствіе ссылки дяди въ Сибирь,—и Александръ Викторовичъ, не видя передъ собой другаго выхода, рѣшилъ принять это предложеніе.

Въ 1859 году 3-го мая онъ пустился въ обратный путь изъ того мрачнаго края, гдѣ ему суждено было прожить около половины своей жизни; ѣхалъ онъ въ него во цвѣтѣ молодости и здоровья; но съ загубленною будущностью, съ разбитыми надеждами, безъ малѣйшаго просвѣта на лучшее, а возвращался обратно сѣдымъ старикомъ, но съ тѣмъ же вѣчно юнымъ, любящимъ сердцемъ, заставлявшимъ его глубоко горевать отъ разлуки съ Сибирью, къ которой онъ искренно при-

вязался и гдѣ нажилъ много дорогихъ друзей и даже собственную семью, но, съ другой стороны, онъ не могъ не радоваться, что вывозилъ эту семью на вольный свѣтъ и на просторъ европейской цивилизаціи.

Изъ декабристовъ, не воспользовавшихся амнистіею и оставшихся доживать свой вѣкъ въ Сибири, было, кажется, только двое: Горбачевскій и Бечастновъ, если не считать Д. Ир. Завалишина, который за свои статьи, печатавшіяся въ *Морскомъ Сборникѣ* и обличавшія въ разныхъ административныхъ промахахъ генераль-губернатора Восточной Сибири, былъ, по ходатайству графа Муравьева Амурскаго, высланъ изъ Сибири, противъ его желанія, и поселился въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ концѣ 80-хъ годовъ. Горбачевского я никогда не видалъ; онъ жилъ безвыѣздно въ Петровскомъ заводѣ, за Байкаломъ, и умеръ тамъ въ 60-хъ годахъ, оставивъ по себѣ прекрасную память какъ среди товарищей, такъ и среди населенія завода. Но Владиміра Александровича Бечастнова я видалъ часто, и онъ теперь, какъ живой, стоитъ передо мной. Это былъ маленькій добродушный и необыкновенно юркій толстякъ; особенно крупнымъ умомъ онъ не отличался и не выдавался своимъ образованіемъ надъ общимъ уровнемъ провинціального общества, какъ его товарищи, но тѣмъ не менѣе это былъ чрезвычайно добрый и честный человекъ. Съ отцомъ моимъ у него было общее промышленное предпріятіе, а именно, отецъ далъ деньги, а Бечастновъ устроилъ въ 12-ти верстахъ отъ Иркутска, въ деревнѣ Смоленщинѣ, небольшую маслобойню, на которой готовилось конопляное масло. Предпріятіе было грошевое, а потому отецъ мало имъ интересовался, но Бечастновъ по понятной причинѣ, что другихъ матеріальныхъ ресурсовъ у него для жизни не было, былъ весь поглощенъ имъ и, будучи по натурѣ крайне суетливаго характера, постоянно, когда пріѣзжалъ въ городъ, забѣгалъ къ намъ, всегда запыхавшись, всегда озабоченный, и допекалъ

отца разными мелочами. Онъ вѣчно куда-то торопился, и не ходилъ, а бѣгалъ по улицамъ, быстро семена своими короткими ножками; въ разговорахъ никогда не усиживалъ на одномъ мѣстѣ, безпрестанно вскакивалъ, пересаживался, страшно жестикулировалъ руками, то и дѣло нюхая табакъ и размахивая клѣтчатымъ фуляромъ. Отцу пришлось однажды сдѣлать съ Бечастновымъ небольшую поѣздку по губерніи и онъ по возвращеніи говорилъ: „Я всегда считалъ, что маленькіе люди гораздо болѣе непокладисты въ жизни, чѣмъ большіе, но Бечастновъ въ дорогѣ—это что-то ужасное: тарантасъ у насъ былъ отличный, вещи уложены въ немъ превосходно и мнѣ можно было лежать въ немъ, вытянувшись во весь ростъ (отецъ мой былъ роста колоссальнаго), а Вл. Ал. всю дорогу вертѣлся, толкалъ меня, извиняясь и жалуясь, что ему тѣсно, коротко, не хватаетъ мѣста“. При этомъ Бечастновъ былъ очень разсѣянъ; прибѣжавъ на минутку, онъ всегда засиживался цѣлые часы, потомъ, спохватившись вдругъ, столь же быстро убѣгалъ, захвативъ чужую шапку или калоши и даже шубу, все перепутывалъ, забывалъ, хотя тутъ же въ разговорѣ записывалъ для памяти, вытаскивая изъ кармана огромную кипу бумагъ и на первую попавшуюся набрасывая беспорядочно карандашемъ все то, что находилъ нужнымъ. Съ такой суетливостью и разсѣянностью онъ попадалъ постоянно въ просакъ, давая тѣмъ пищу къ разнымъ шуткамъ надъ собой,—и нѣтъ возможности передать массу анекдотовъ, ходившихъ по поводу разныхъ комическихъ положеній, какія съ нимъ случались въ дѣйствительности. Декабристы рассказывали, какъ по окончаніи каторги въ Петровскомъ заводѣ и передъ своей разлукой другъ съ другомъ въ предстоявшемъ имъ расселеніи по сибирскимъ захолустьямъ они согласились устроить прощальный обѣдъ въ честь коменданта завода, генерала Лепарскаго, который заслужилъ между ними общее уваженіе за свое гуманное и полное такта отношеніе къ ихъ горь-

кой судьбѣ. Въ распорядители обѣда выбранъ былъ, какъ первостатейный гастрономъ, Арт. Зах. Муравьевъ, а въ помощники ему былъ предложенъ Бечастновъ, какъ очень расторопный человѣкъ, хотя тутъ же многіе возставали противъ такого выбора, говоря, что онъ непременно что-нибудь перепутаетъ или сломаетъ. Однако выборъ состоялся,—и обѣдъ шелъ на славу; Бечастновъ хлопоталъ въ потѣ лица и, поощряемый одобреніями товарищей, леталъ вокругъ стола, ни на минуту не присаживаясь на мѣсто. Подали жаркое; Бечастновъ торжественно вноситъ банку съ какими-то рѣдкостно замаринованными грибами, ставитъ на столъ со словами: „вотъ особенно рекомендую это чудо искусства“ и затѣмъ съ обычной стремительностью бѣжитъ изъ столовой снова за чѣмъ-то, и тутъ совершенно неожиданно и къ общему удивленію, банка летитъ со стола вслѣдъ за Бечастновымъ, ломается и всѣ эти микроскопическіе грибки и рыжики очутились на полу; вскорѣ все объяснилось тѣмъ, что когда Бечастновъ развязывалъ бумагу, закрывавшую банку, то нечаянно намоталъ шнурокъ, придерживавшій бумагу, вокругъ пуговицы своего сюртука,—и этотъ-то шнурокъ сыгралъ плохую шутку, сваливъ чудо искусства на полъ.

А вотъ другой примѣръ въ совершенно такомъ же родѣ: однажды Бечастновъ, посидѣвъ у насъ, собрался уходить и, уже надѣвъ шубу въ передней, сталъ рассказывать провожавшему его отцу какую-то длинную исторію; во время разговора онъ полѣзъ въ карманъ и быстро вытащилъ свой носовой платокъ, и въ это время стоявшая на окнѣ въ сосѣдней комнатѣ ведерная бутылъ съ настаивавшейся на ягодахъ наливкой съ трескомъ лопнула и наливка наводнила комнату; виновникомъ этого загадочнаго явленія оказался мѣдный пятакъ, который Бечастновъ вытащилъ съ платкомъ изъ кармана и, какъ изъ пращи, угодилъ имъ въ бутылъ. Такіе рассказы въ безчисленномъ множествѣ ходили по городу

и передавались въ присутствіи самого Бечастнова; который съ милымъ добродушіемъ подтверждалъ ихъ и самъ первый хохоталъ надъ своими приключеніями. Могъ бы и я привести еще нѣсколько примѣровъ, но мнѣ и безъ того совѣстно передъ памятью декабристовъ и передъ памятью Бечастнова въ частности, что я ограничиваюсь одной смѣшной стороною въ характеристикѣ его личности, очень почтенной и дѣятельной въ хорошемъ значеніи слова и во всякомъ случаѣ заслуживавшей своей злополучной судьбой болѣе серьезнаго и болѣе сочувственнаго отзыва. Но таково свойство моихъ записокъ: составлялись они на основаніи воспоминаній, сложившихся частію въ дѣтскіе годы, частію въ годы ранней юности, когда голова моя еще не умѣла порядкомъ анализировать ни людей, ни фактовъ, и скользила по нимъ поверхностно, схватывая только выдающіяся мелочи. Не подлежитъ сомнѣнію одно, что и Бечастновъ при своей, общей со всѣми декабристами, рѣдкой мягкости характера, любви къ народу и жадѣ труда и дѣятельности на пользу общественную, могъ вносить только доброе, честное и прогрессивное въ окружающую его обстановку, и хотя крестьяне деревни, гдѣ онъ жилъ, подчасъ подсмѣивались надъ его неловкостью и разсѣянностью, называя его, какъ говорятъ, то Бесчастнымъ, то Несчастнымъ, но любили и уважали его, какъ своего старшаго брата, и въ трудныя минуты шли къ нему за совѣтомъ. Онъ и женился на крестьянкѣ той же деревни Смоленщины, и о томъ, какъ онъ жилъ въ своей домашней жизни, я ничего сказать не могу, потому что изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, повидимому, рѣдко кто его посѣщалъ; тамъ же онъ и померъ отъ удара въ концѣ бо-хъ годовъ и похороненъ, оставивъ, какъ слышно, большую семью съ весьма скудными средствами.

На этомъ и заканчиваю я мои воспоминанія о декабристахъ, весьма скудные фактическимъ матеріаломъ и потому не претендующія на серіозное значеніе, но ду-

мается, что и въ этомъ видѣ онѣ могутъ пригодиться современемъ, когда наступитъ возможность свободно разрабатывать эту страницу русской исторіи. Писалъ я эти воспоминанія, будучи самъ бо-тилѣтнимъ и больнымъ старикомъ, стоя одною ногой въ гробу и желая передъ смертью очистить свою совѣсть, воздавая должное этимъ людямъ за то, чѣмъ считалъ имъ себя обязаннымъ и за что внутренне благодарилъ ихъ всю жизнь. Они сдѣлали меня человекомъ, своимъ вліяніемъ разбудили во мнѣ живую душу и пріобщили ее къ тѣмъ благамъ цивилизаціи, которыя скрасили всю мою послѣдующую жизнь. Болѣе всѣхъ изъ нихъ я обязанъ этимъ своимъ пробужденіемъ Ал. Викт. Поджіо, — и самое за-вѣтное мое желаніе написать еще одну главу, посвятивъ ее цѣликомъ описанію послѣднихъ годовъ жизни этого почтеннаго старца, игравшаго въ моей жизни роль второго отца. Только хватило бы у меня на это силъ и памяти!
